



ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Часть II

КУЛЬТУРА РЫЦАРСКОЙ СРЕДЫ

МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Часть II

Учебное пособие

КУЛЬТУРА РЫЦАРСКОЙ СРЕДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск – 2003

Рассмотрено и утверждено на заседании кафедры истории древнего мира и средних веков

УДК 930.8 + 940.1

ББК 63.3(0)4

И 90

История средневековой культуры. Часть II. Культура рыцарской И 90 среды: Учебное пособие / Сост. И.Ю. Николаева, Н.В. Карначук. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003.

ISBN 5 – 7511 – 1655 – 0

Культура рыцарской среды интерпретируется в пособии как целостная система, проявляющая себя в ментальных предпочтениях ее носителей, отразившихся в самых разнообразных культурных «текстах» – поэзии, обычаях, праздничных традициях, одежде и т.п. феноменах. Акцентируется взаимосвязь культурного и социоисторического контекстов жизни рыцарства со свойственными европейцу индивидуалистическими установками сознания и поведения.

Междисциплинарная ориентированность предлагаемого текста адресует его к достаточно широкой читательской аудитории – не только историков, но и филологов, психологов, культурологов, не только студентов, но и всех тех, кто интересуется судьбами европейской культурной традиции в средние века.

УДК 930.8 + 940.1

ББК 63.3(0)4

Составители:

к.и.н. *И.Ю. Николаева*, к.и.н. *Н.В. Карначук*

Рецензенты:

д.и.н. *Л.И. Шерстова*, д.ф.н., к.и.н. *Н.А. Колодий*,

к.и.н. *М.С. Боткова*



Данный проект был осуществлен при поддержке АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», Министерства образования РФ, Института перспективных российских исследований им. Кеннана (США), Копорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кетрин Т. МакАртуров (США), Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов программы.

ISBN 5 – 7511 – 1655 – 0

© Томский государственный университет, 2003

© Николаева И.Ю., Карначук Н.В. Составление, 2003

К 125-летию основания Томского государственного университета

Томский государственный университет, учрежденный в 1878 г. Высочайшим повелением Александра II как Императорский Сибирский университет, является первым высшим учебным заведением в азиатской части России, положившим начало развитию образования, науки и культуры на огромной территории, простирающейся от Урала до Тихого океана.

Университет был создан и развивался как центр образования, науки, просвещения и культуры национального значения, на него была возложена миссия подготовки научно-педагогической и культурной элиты Сибири и Дальнего Востока.

В открытии и становлении Томского университета значительную роль сыграли великий ученый Д.И. Менделеев, попечитель Западно-Сибирского учебного округа профессор В.М. Флоринский, крупнейший исследователь Азии и политик Г.Н. Потанин, ученый и публицист Н.М. Ядринцев, известные меценаты того времени А.М. Сибиряков, П.Г. Демидов, З.М. Цибульский, граф А.Г. Строганов, президент Академии наук Ф.П. Литке и др.

Среди почетных членов Томского университета – Д.И. Менделеев, основатель общества «Красный Крест» нобелевский лауреат Ж.-А. Дюнан, известный путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский, нобелевский лауреат И.П. Павлов, российский император Николай II, король Бельгии Альберт I и другие выдающиеся деятели.

За годы существования университетом подготовлено около 100 тысяч специалистов, в ТГУ учились или работали около 100 членов РАН, РАМН (в том числе два первых президента АМН СССР) и академий наук государств СНГ, свыше 150 лау-

реатов Государственной и Ленинской премии, 2 лауреата Нобелевской премии (Н.Н. Семенов и И.П. Павлов).

Выпускники и профессора ТГУ внесли огромный вклад в освоение природных богатств и индустриальное развитие Сибири, обеспечив минерально-сырьевую базу для Кузнецкого металлургического комбината, Красноярского алюминиевого завода, Норильского горно-металлургического комбината, золотодобывающих предприятий Западной и Восточной Сибири.

На основе научных школ и подразделений Томского университета организовано 5 университетов Сибири, более 10 академических и отраслевых научно-исследовательских институтов.

Выпускники ТГУ возглавляют или возглавляли университеты Казани, Твери, Хабаровска, Кемерово, Иркутска, Сургута, Барнаула, Новосибирска, Тюмени, Калининграда, академические институты в Томске, Новосибирске, Москве.

Сегодня Томский университет является крупнейшим классическим университетом на востоке страны, осуществляющим подготовку студентов по 75, аспирантов по 82 и докторантов по 34 научным специальностям и направлениям.

В структуре университета 22 факультета, 3 научно-исследовательских института, 7 филиалов в городах Западной и Восточной Сибири и Казахстана, 11 музеев, 132 кафедры, Сибирский ботанический сад, Научная библиотека с фондом в 4 млн томов, мощный Интернет-центр, Центр высокопроизводительных технологий, функционирует 21 диссертационный совет (в том числе 15 – докторских).

В ТГУ работают около 300 докторов и 800 кандидатов наук, в том числе 7 членов РАН, обучается более 20 тыс. студентов, более 800 аспирантов и докторантов, несколько тысяч школьников проходят довузовские формы подготовки.

Томский университет – один из лидеров российской высшей школы в области фундаментальных научных исследований, за последние 5 лет 17 ученых ТГУ удостоены звания лауреатов Государственной премии и премии Правительства РФ в области науки и техники, 11 научных школ вошли в Президентский перечень ведущих научных школ России, 6 молодых ученых ТГУ удостоены медалей Российской академии наук, выполнены ра-

боты по более чем 500 грантам ведущих национальных научных фондов, ежегодно защищаются около 20 докторских и 80 кандидатских диссертаций.

На базе ТГУ действуют Головной совет и Конкурсный центр грантов Минобразования по проблемам охраны окружающей среды и экологии, Региональный совет межведомственной программы «Создание национальной сети компьютерных телекоммуникаций для науки и высшей школы», Экспертный совет регионального конкурса грантов РГНФ «Российское могущество прирастает будет Сибирью и Ледовитым океаном», Ассоциация «Сибирский открытый университет», объединяющая 30 университетов Сибири, Дальнего Востока и Казахстана, Казахстанско-Российский университет дистанционного образования, Межрегиональный институт общественных наук (Корпорация Карнеги, ИНО-центр и Фонд МакАртуров), научно-образовательный центр «Физика и химия высокоэнергетических систем» (Фонд CRDF).

Университет активно участвует в международных научных и образовательных программах, выполнены исследования по 10 грантам программы Евросоюза «ТЕМПУС» с университетами Оксфорда, Шеффилда, Утрехта, Брюсселя, выполняется крупный проект Национального фонда подготовки кадров и Мирового банка «Поддержка инноваций в высшем образовании», проект Президентской программы по подготовке управленческих кадров, осуществляется долгосрочное сотрудничество с ведущими научными центрами и университетами США, Великобритании, Германии, Франции, Китая, Монголии и других стран, фондами Сороса, Карнеги, МакАртуров, Форда и др.

Университет выполняет важную роль в установлении сотрудничества с зарубежными странами, за последние годы ТГУ посетили послы США (дважды), Германии (дважды), Южной Кореи (дважды), Франции, Польши, Японии, Евросоюза.

Проводится большая работа по эстетическому воспитанию молодежи. Хоровая капелла Томского университета и ансамбль скрипачей ТГУ хорошо известны в России и за рубежом; спортивный клуб ТГУ «СКАТ», в составе которого около 30 чемпионов и рекордсменов мира и Европы по плаванию в ластах, четыре последних года подряд становится лучшим клубом Европы.

Несмотря на сложнейшие проблемы и финансовые трудности, ТГУ продолжает активно развиваться и является одним из ведущих классических университетов страны, занимая 4-ю позицию в официальном университетском рейтинге Министерства образования РФ.

За выдающиеся заслуги в развитии образования и науки Томский университет в 1967 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1980 г. – орденом Октябрьской Революции, в 1978 г. орденом Трудового Красного Знамени награжден Сибирский физико-технический институт Томского университета.

Указом Президента Российской Федерации № 30 от 15 января 1998 г. Томский университет внесен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.



Введение

Этим текстом авторы продолжают серию учебных пособий по истории западноевропейской средневековой культуры. Первая книга этой серии – «Культура варварского мира» - вышла в 2001 году. Предваряя анализ образов и текстов культуры рыцарской среды, следует оговорить, что понимается в пособии под понятиями «культура» и «культура рыцарской среды».

Начнем с того, что культура не являет собой лишь некий набор известных литературных текстов, архитектурных ансамблей и стилей, полотен живописи и образчиков скульптуры. Культура – это поток и одновременно система неких взаимосвязанных артикулируемых и скрытых, неявленных смыслов, формирующихся в контексте исторического бытия того или иного социума и одновременно трансформирующих его. Поэтому нас будет интересовать не столько внешнее описание тех или иных ритуалов, литературных произведений и других культурных текстов «рыцарской» Европы, сколько смысловой алгоритм рождения и бытования этих культурных текстов. Исходя из посылки о культуре как некоей целостной системе идей и образов, конституируемой процессами, происходящими в глубинных пластах бытия социума, авторы пособия ставят своей задачей показать культуру рыцарской среды средневекового Запада как взаимосвязанный стиль мышления и мироощущения, являющий себя как в повседневном, обыденном поведении, так и празднично-репрезентативном, как в визуальных образах замков, маргинальных рисунков и скульптур, так и словесных конструкциях поэтических текстов. В этом смысле преследуется двоякая цель: с одной стороны, такой подход сулит возможность проникнуть «вглубь» социокультурной ткани процессов, понять взаимосвязь интеллектуально-

психологической оснастки культуры того или иного общества и его социальных практик, с другой стороны, увидеть органическую связь явлений культуры внешне разрозненных, дискретных, а на деле представляющих некую целостность, явленную в образе и духе того, что принято именовать рыцарской культурой.

Ставя перед собой цель показать данную целостность, авторы пособия в качестве **сверхзадачи** видят рассмотрение культуры рыцарской среды как явления, менявшегося во времени и в пространстве, неоднородного для различных рыцарских слоев и групп. В этом смысле необходимо определиться с самим понятием «рыцарь». Как правило, оно используется в самом широком смысле этого слова для характеристики представителя военного сословия Средневековья, вне зависимости от имущественного положения, знатности, этнополитической принадлежности. Именно в таком расширительном смысле большей частью и будут трактоваться проблемы рыцарской культуры. Однако совершенно очевидно, что смысловая наполненность культурных идеалов рыцарства на заре становления средневекового общества и на закате того, что именуют средневековой эпохой, существенно трансформировалась во времени. Равно как очевидно и то, что ценностные ориентиры рыцарского сословия варьировались в зависимости от групповой или национальной идентичности его носителей.

Менялся мир, пушечные выстрелы, прозвучавшие во время Столетней войны в 1329 году в битве при Камбре, явились своего рода предзнаменованием утраты рыцарством монополии на военное дело. Бюргерское сословие, набирая силу, поставило под сомнение безусловность многих рыцарских установок мышления и поведения, которые в эпоху, названную Й. Хейзингой «осенью средневековья», вступили в диалогический конфликт с реалиями времени и олицетворявшими их слоями. Трансформировавшийся мир европейской цивилизации, превращавшейся из Европы рыцарских замков в Европу городов, стимулировал приращение рациональности, «расколдовывание» многих сакральных понятий и ценностей. Эти процессы десакрализации мировидения европейского общества, образно обозначенные Ж. Ле Гоффом как процесс спуска с небес на землю, повлекли за собой и изменение

в ценностных ориентациях рыцарской среды. И тем не менее в снятом виде рыцарский идеал останется значимым ориентиром в духовной жизни европейского общества более поздних времен, причем не только в среде феодальной элиты. Во многих своих составляющих он будет воспринят растущим и богатеющим бюргерством, в трансформированном виде усвоен культурными традициями Нового и Новейшего времени.

В рамках учебного пособия невозможно воссоздать скольнибудь полную картину этих исторических мутаций, равно как невозможно показать все ракурсы национальной специфики культурных установок рыцарства. Все это большие исторические проблемы, над которыми ещё предстоит поработать исследователям. Авторы пособия лишь попытаются обозначить смысловую изменчивость культуры рыцарской среды как в синхронии, так и в диахронии, концентрируя внимание на классической эпохе Средневековья и на «классической» рыцарской среде, имея в виду прежде всего французское, а точнее англо-французское, рыцарство.

И, наконец, авторы пособия надеются показать своеобразие культуры рыцарского сословия в контексте тех процессов индивидуализации, расширения границ человеческой свободы, которые определяли специфику цивилизации средневекового Запада. Социоисторический интерьер бытования рыцарской культуры в западноевропейском обществе можно охарактеризовать как особо благоприятствовавший проявлению автономии личности. «Великие герцоги Запада» - термин, устоявшийся и хорошо известный историкам. За ним, равно как и за другим, хорошо известным фактом организации феодального сословия в Западной Европе, нашедшим выражение в формуле «вассал моего вассала – не мой вассал», скрывается своеобразие социально-психологического, политического и материального положения рыцарства в средневековом европейском обществе. Природа становления западноевропейской цивилизации была такова, что здесь создались некие важные предпосылки для обретения крупными феодальными магнатами большой земельной собственности, широкой военной и политической автономии, а также судебных прерогатив. Не будучи жестко связанными королевской или императорской вла-

стями, эти представители рыцарского сословия, являвшие его верхний этаж, элиту, задавали стиль жизни рыцарства, обуславливали полноту самовыражения, независимости «Я» его членов.

Оборотной стороной их свободы явилась достаточно широкая автономия мелкого рыцарства, имевшего возможность лавировать, искать себе более выгодного покровителя и получать за счет этого особые писанные и неписанные возможности материального и культурно-знакового самоутверждения. Словом, уже на этапе средневековой истории военно-рыцарское сословие на Западе сформирует те культурные установки, ценностная наполненность которых определялась мироощущением автономной личности. Вне смыслового контекста этих установок, равно как и установок бюргерского сознания, представителей интеллигенции эпохи Возрождения, вряд ли возможно адекватное понимание истоков и природы европейского гуманизма, отличающегося ярко выраженным персонализмом, акцентированием индивидуальности человеческого «Я».

«Быть посвященным» – от milites темных веков к рыцарю классического Средневековья

Рыцарство своими корнями уходит в варварскую эпоху, что наложило существенный отпечаток на его мироощущение, образ жизни и культурные ценности. Об этих истоках проговариваются рыцарские прозвища и геральдика. Генрих Лев, Альбрехт Медведь, Ричард Львиное Сердце – имена известных исторических персонажей, которые не нуждаются в дополнительных комментариях. «Воин-зверь», отчетливо просматриваемый по культурным текстам варварской Европы, не исчез вместе с эпохой военной демократии и варварских королевств. Его ментальный след вполне ощутим и в рыцарском культурном облике, несмотря на рафинированный характер рыцарского идеала. Последний служил регулятором поведения рыцаря, в основе которого лежала природная данность. Однако эта природная данность не являла собой некую константу. Социоисторический ландшафт бытования рыцарского сословия во многом определял как наработку определенных культурных идеалов, так и возможности моделей поведе-

ния его членов в соответствии или в разладе с этими культурными образцами.

Не следует забывать, что рыцарь – это прежде всего воин. Неслучайно многие авторы (например, Ж. Флори) отмечают, что в основе своей рыцарское сословие представляло собой так называемых *milites* – совокупность воинов. Именно так называли рыцарей в XII в. клирики. Профессиональная принадлежность вкупе с природной данностью и определили приоритет физической силы в рыцарских глазах. Рыцарь, по определению, должен был обладать данным достоинством. И дело не только в том, что рыцарь классического Средневековья вынужден был нести на себе латы и оружие весом в 70-80 килограммов, что было под силу только очень сильному человеку. Образ жизни, технология военных действий того времени не могли не определить особую ценность мускульной силы, физической подготовки для рыцаря. Неудивительно, что воспитание рыцаря было в первую очередь подчинено задаче сделать из юноши сильного воина. Немецкий поэт Гартман фон Ауэ повторял поговорку каролингских времен: «Кто до двенадцати лет остается в школе, не садясь верхом, годится только на то, чтобы стать священником».

Подготовка такого воина осуществлялась и регулировалась посредством обычая, составлявшего обязательный элемент в жизни каждого представителя этого сословия. Это обычай ученичества, когда до шестнадцати-двадцатитрехлетнего возраста юноши, начиная с десяти-двенадцати лет, проходили соответствующую выучку под началом определенного наставника. Во Франции такой юноша назывался демуазо. Как правило, молодого человека отдавали в руки могущественного покровителя, при дворе которого существовало нечто вроде «рыцарской школы». В этой «школе» обучались военному мастерству и иным рыцарским доблестям сыновья вассалов того или иного сеньора, его протеже и менее состоятельные родственники. Лишь освоившим соответствующие навыки воинской профессии – владение оружием (мечом и копьем), тактические приемы конного боя и т.д., – юноша посвящался в рыцари.

Обряд посвящения мог проводиться как в военное, так и в мирное время. Естественно, что церемония, проведенная на поле

боя в канун сражения или после него, приобретала особый престиж в глазах участников этого действия. Равно как имело большое значение то, кто посвящал в рыцари. Так, например, французский король Франциск I пожелал получить посвящение в рыцари только из рук прославленного «рыцаря без страха и упрека» Пьера дю Терай Байяра. Его героизм и благородство были широко известны - в битве при Гарильяно он оборонял мост в одиночку против двухсот воинов, в своем последнем бою, получив смертельную рану, Байяр умер стоя, прислонясь к дереву и обратив лицо к противнику. Его настолько уважали даже враги, что дважды освобождали из плена без выкупа.

Посвящение в мирное время приурочивалось к каким-либо знаковым событиям: религиозному празднику, свадьбе сеньора или правителя, рождению особы королевского рода и т.д. Светской части обряда предшествовал особый религиозный ритуал – исповедь, причастие и ночь размышлений в часовне или церкви, – который должен был очистить посвящаемого от дурных мыслей, укрепить в вере, словом, подготовить его духовно к вступлению в ряды воинов Христовых. Следует подчеркнуть, что и сам ритуал непосредственного посвящения был исполнен сакрального смысла и начинался с освящения оружия. Посвящаемый получал из рук своего наставника – «крестного отца» - меч и шпоры, кольчугу и шлем, копье и щит, облачался в них, прочитывал несколько молитв и клялся блюсти рыцарские заповеди. И, наконец, обряд завершался процедурой, получившей название «алап» или «коле» - символический удар по шее, наносимый рукой или мечом в ножнах. Предполагалось, что это был первый и последний удар, который посвящаемый рыцарь оставлял без ответа.

Обращает на себя внимание особое, исполненное сакрального смысла, отношение к оружию (прежде всего к мечу). Пришедшее из варварского мира, оно нашло свой расцвет в среде средневекового рыцарства. Как и прежде, на клинке приносились торжественные клятвы. Только теперь это были клятвы не во славу Одина, но во славу Христова дела, которому обязан был служить рыцарь. Это нашло отражение в обычае (существовавшем как в реальной жизни, так и в эпической поэзии и рыцарских романах) вставлять в эфес меча мощи святых

Отзвуки особого отношения к оружию встречаем и в законодательстве – закон ограничивает пользование мечом и копьём для простолюдинов. Например, в Германии в 1157 г. странствующим торговцам было разрешено иметь меч в повозке или при седле. Однако во время остановок на постоянных дворах они обязаны были отложить меч в сторону. Строго воспрещалось носить какое бы то ни было оружие презираемым, маргинальным группам – таким, как евреи.

Ношение и владение оружием практически напрямую связывалось с понятиями благородства и чести. Эта связь ощущалась на протяжении очень длительного периода времени. Уже на излете Средневековья, в середине XVI в. Джироламо Музио в своем дуэльном трактате признает право рядового солдата, не-рыцаря, на поединок, поскольку оружие аноблирует (делает благородным) человека в случае, если военная профессия – его единственное занятие в мирное и военное время.

Традиция рыцарских турниров

И после посвящения в рыцари повседневная жизнь воина представляла собой непрерывный тренинг физических и воинских достоинств. Охота и турнир являлись своеобразными культурными субститутами сражений, способствовавшими приращению соответствующих навыков и утверждению рыцаря в собственных глазах и глазах окружающих. Сражение с раненым верпрем или медведем было столь же опасным, как и единоборство с вооруженным врагом. Кроме того, преследование диких зверей развивало искусство верховой езды, необходимое рыцарю.

Турниры также способствовали совершенствованию воинского искусства рыцаря, не говоря уже о том, что создавали возможность блеснуть личной отвагой, быть замеченными и, помимо всего прочего, добиться материального вознаграждения, подтверждающего рыцарскую доблесть. Изначально это были полувоенные поединки. В них четко прослеживались основные цели такого состязания: самоутверждение воина и захват добычи. Схватка велась, как правило, оружием, не отличавшимся от боевого, причем допускались практически любые виды вооружения,

вплоть до луков и арбалетов. Преимущественно устраивались не поединки, а массовые схватки. Победенный лишался всего вооружения и коня в пользу победителя. Нередко побежденный на турнире становился пленником своего удачливого соперника и, как в условиях настоящей феодальной войны, обязан был заплатить выкуп.

К XIII в. турнир начал приобретать более символически-ритуализированный, игровой характер. Это выражалось прежде всего в попытках регламентировать сражение. Вокруг четырехугольного ристалища возводился двойной деревянный барьер, рядом воздвигали помосты, где сидели судьи и зрители, среди которых было немало дам, охочих до подобного рода кровавых развлечений. Герольды провозглашали имена участвовавших в турнире рыцарей, перечисляли подвиги, прославившие их ранее. Условия турниров были разнообразными. Как правило, в классическую эпоху они начинались с поединка отдельных рыцарей, получивших во Франции название «жюте». Задача могла заключаться в нанесении противнику удара копьем в определенное место (в грудь или центр щита) или в том, чтобы повергнуть противника на землю, выбить его из седла. В XIII в. создается *Status Armagium* – свод турнирных правил. В нем запрещалось направлять удар копья в ноги или в правую руку противника.

Тем не менее турниры продолжали оставаться опасным мероприятием, дававшим выход природной агрессии воинов. Импульсивный характер человека той эпохи нередко приводил к тому, что разгоряченные противоборством рыцари забывали о том, что это всего лишь праздничная имитация военной авантюры. Нередко такие турниры заканчивались жертвами. Бывали случаи, когда в ход турнирного сражения вмешивались вооруженные слуги и оруженосцы участников. Поэтому со временем мечи и копья для турниров стали притуплять и появился запрет зрителям и слугам участников турнира появляться возле поля «сражения» в доспехах и с оружием. Ограничивается время проведения турниров – нельзя скрещивать копья с пятницы по понедельник и в большие церковные праздники. Символической стала и награда победителю – теперь он получал лишь часть доспеха своего неудачливого соперника - шпору или плюмаж со шлема.

Если на раннем этапе спонтанность турнира допускала участие и простолюдинов, то в классическую эпоху благородное происхождение участника поединка также превратилось в необходимое условие. «Гербовой король» и герольды строго следили за составом участников. Более того, постепенно для турниров начали использовать специальные доспехи - более закрытые и тяжелые, чем боевые. Появились и специальные доспехи для разных видов поединков – конных и пеших. Стоимость такого снаряжения автоматически исключала из рядов участников неимущих.

Одновременно турниры стали ярче и зрелищнее. Большую роль начали играть дамы – иногда они определяли победителя турнира (кон. XIV в.). С XIII в. в среде рыцарства появилась традиция носить цвета своей дамы и прикреплять к шлему или копью вещицы дам, дарованные как знак расположения, – это могли быть вуаль, рукав, платок. К XIV в. стало модным открывать турнир процессией, в которой дамы вели своих рыцарей на золотых или серебряных цепях.

Со временем пышность, церемониальность рыцарских поединков начали подвергаться осмеянию. Многочисленные маргиналии пародируют рыцарский поединок как состязание обезьян, скачущих на козлах навстречу друг другу с копьями наперевес, в шлемах, с гербами на щитах. В маргиналиях на страницах рыцарского романа «Ланселот Озерный» рыцарь изображен скачущим верхом на петухе. А чего стоит образ Дон Кихота в знаменитом романе Сервантеса - вместо реального противника «рыцарь печального образа» сражается с ветряными мельницами, источником вдохновения становится простая селянка, превращенная воображением чудака в Прекрасную Даму – Дульсинею Тобосскую. Несмотря на это осмеяние и трансформацию обычая (дуэли Нового времени не поставили точку в его истории), он продолжал жить и в более поздние эпохи. Живучесть традиции придавало и придает одно - желание утвердить свое «Я» в прямом и честном противоборстве с противником.

Неудивительно, что бюргерская среда, отринувшая многие ценности рыцарской культуры, тем не менее позаимствовала культурную символику рыцарских поединков. Так, в Магдебурге

на протяжении XIII-XV вв. в последнюю субботу накануне Великого поста неженатые «дети» богатейших бюргеров, так называемые кунстабелен, «имели обычай» организовывать рыцарскую игру, «как это делал Роланд». В рамках одного из таких праздников их «сотоварищ» поэт Брун фон Шенебек соорудил «Грааль» - замок на острове Эльбы около Магдебурга. Поединки начались после богослужения и совместного праздничного застолья, победителю была предназначена в качестве приза благосклонность Прекрасной Дамы – все это выглядит как формальное соответствие рыцарским обычаям. Хотя пародирование обычая налицо – Дамой была горожанка далеко не безупречного поведения, но сами поединки носили нешуточный характер.

В зените Средневековья стремление к самоутверждению, лежавшее в основании традиции турнирных сражений, дает о себе знать постоянно будь то будни мирного времени или военные действия. Герцог Бургундский Филипп Добрый поклялся на кресте, что готов когда угодно один на один сразиться с Великим Турком, если тот примет вызов. Фруассар описывает поединок во время Столетней войны Эдуарда III с французским дворянином Эташем де Рибмоном. Английский король выбирает в первой схватке с французами именно этого рыцаря, имевшего репутацию сильного и смелого воина. Несмотря на достоинства противника, Эдуарду III удалось одержать над ним победу. О том, что он сражался с королем, рыцарь узнал только после того, как получил в дар новую одежду и приглашение отужинать в замке Кале со своим могущественным соперником.

Обычай устраивать личные поединки накануне сражения перед строем двух войск сохранился вплоть до конца Средневековья. Так, знаменитый Баярд в сражении за Италию в 1501 г. вызвал Сотомайора на поединок, который получил название «Вызов при Барлетте». Нередко на месте памятного поединка ставился камень, к которому рыцари совершали своеобразные паломничества.

Подобного рода поединки – явление, известное многим культурным мирам. Гектор и Ахилл, Пересвет и Челубей – этот перечень имен может быть с легкостью продолжен. Однако европейская средневековая цивилизация являет их в своеобразии собст-

венного социокультурного ландшафта. Такого рода событие, как поединок правителя и подданного, пусть рыцаря, пусть дворянина, но человека, стоявшего в иерархической системе безусловно ниже властителя - явление достаточно органичное на европейской почве. Нечто подобное трудно представить себе в арабском, китайском, древнерусском обществах. Рыхлость европейской средневековой государственности, относительная сила феодальной элиты во взаимоотношениях с королевской властью, породившая идею рыцарей круглого стола, создавали особую атмосферу эгалитаризма, в которой и возможен был поединок между королем и дворянином как символически равными фигурами на игровом поле европейской культурной традиции.

Этот эгалитарный дух отражают и рыцарские праздники. Пример тому – празднества Артура цикла в английском королевстве (сочетание пиршеств за круглым столом с рыцарскими поединками), в ходе которых утверждался союз между королем и его рыцарями.

Воинские ценности и культурные идеалы

Рыцарство жило войной, и неудивительно, что в культурных текстах эпохи **война предстает в качестве самоценности**. Известный трубадур эпохи Бертран де Борн оставил немало сирвент, воспевающих войну:

Ради чего весною ранней
Расцветают повсюду
Цветы и травы?
Чтобы дать всем знать:
Пришел славный сезон войны.

Или:

Мир мне не в сладость,
Война мне в радость.

Воспевание войны обнаруживают многие культурные феномены средневековой Европы. Так, в рамках праздничных служб при Бургундском дворе в XV в. рождается традиция l'homme

агме («песня о войне»). В качестве музыкальной эмблемы это песнопение поначалу распространилось среди членов ордена Золотого Руна. Затем было перенято капеллами итальянских княжеских дворов и даже использовано хорами папской капеллы в Риме.

Характерная деталь – именно в литературной и поэтической лексике рыцарства, принадлежащего к той категории, что называлась вальвассорами и шателенами (представителями мелкого рыцарства), но никак не грандами, самоценность войны была исполнена очевидного и непреходящего смысла. Важно подчеркнуть, что уже в XII в., когда Бертран де Борн писал свои знаменитые сирвенты, для многих эти смыслы были не безоговорочны. Неслучайно Данте поместил этого доблестного ревнителя рыцарской воинственности в восьмой круг своего «Ада» в виде всеми проклинаемого сторонника раздоров, носящего, как фонарь, свою собственную отсеченную голову. Видимо, отмечает Ю.Л. Бесмертный, осуждение войн и раздоров становится характерным в конце XII в. не только для рыцарских писателей из королевского окружения (внутри которого один из современных Борну королей, Людовик VII, именуется, например, *rex pacificus*). Важно подчеркнуть, что по мере того, как в Европе росли города, развивалась торговля, укреплялись позиции королевской власти, все чаще и целенаправленнее прибегавшей к политическим, а не только силовым способам отстаивания своих интересов, идеалы воинственности начали утрачивать былую силу, как, впрочем, и весь комплекс рыцарских ценностей, с ними связанных.

Эта новая ментальность явит себя в устах не только знаменитого «вселенского паука», французского короля Людовика XI, предпочитавшего искусству войны искусство «политического слалома». Он, в ответ на укоры тех, кто не одобрял его нежелания в открытом бою встретиться со своим заклятым врагом, английским королем Эдуардом IV, сказал, что гораздо проще изгнал англичан, чем его отец, «накормив пирогами с дичиной и напоив добрым вином». Мы увидим разные лики этого нового ментального склада в поведении и установках многих представителей рыцарского сословия «осени средневековья». Однако в среде мелкого, небогатого рыцарства война как таковая представляла

особую ценность не только в ранний период Средневековья, но и значительно позже. Только благодаря войне эта категория рыцарей могла пополнить свое состояние. Но, что не менее важно, именно во время военных действий эта часть рыцарства имела особый шанс самоутвердиться. Тексты Бертрана де Борна прозрачно на это указывают:

Я, право, не зачинщик смут,
Хоть грандов побуждаю биться,
Ведь вальвассоры смогут тут
(И шателены) отличиться.
Для Радости причины есть:
Щедрее гранды и любезней,
Коль о войне заслышат весть.
И мира тем война полезней!

Щедрость смыкается со всем стилем общения грандов и рыцарей. Ю.Л. Бессмертный справедливо подчеркивал, что именно за этими строками культурного текста эпохи скрывается некий социальный контекст. Идеал отношений взаимопомощи и взаимоуважения, которые в реалии имели шанс дать о себе знать именно на бранном поприще, имел вполне определенную социально-психологическую почву. Именно война позволяла рыцарской молодежи и мелкому, небогатому рыцарству не только подтвердить свою воинскую удаль, но и оправдать свое социальное призвание, наконец, отстаять свое личное достоинство, доказать магнатам, что они люди «одной крови», равной смелости, отстаять свою независимость.

И здесь мы видим опять-таки явление специфически европейского происхождения. Своеобразие социальной почвы средневекового Запада, характерной чертой которого был определенный эгалитаризм как в отношениях правителей и тех, кого принято именовать великими герцогами Запада, так и в отношениях магнатов и рядового рыцарства, дало жизнь тем культурным смыслам, что прочитываются в строках де Борна, посвященных воспеванию войны. Эти ценности имели большой культурный резонанс в перспективе «большого времени». Именно они стоят за культовым для европейской традиции образом д'Артаньяна,

именно они вносят свою интонацию в нравственный императив европейского гуманизма – идеал свободной личности.

Одно из неписанных правил рыцарского кодекса чести подразумевало, что **рыцарь должен быть мужественным**. В идеале рыцарь не рыцарь, если он лишен этой родовой черты сословия, если он не готов к героическому подвигу. Обращает на себя внимание тот факт, что этот идеал, особенно на заре становления рыцарского сословия, имел **специфически избыточный характер**. Любой ценой рыцарь должен был доказать свою силу и мужество, даже ценой жизни. В «Песни о Роланде» ее главный персонаж в критический момент отказывается протрубить в рог, чтобы позвать помощь (как советует Роланду его друг Оливье), для него важнее утвердить личную доблесть, доказать свою безоговорочную готовность сражаться до последней капли крови. Причем постыдно прибегнуть к чьему-либо содействию. Чем сильнее и доблестней противник, тем больше собственная слава.

Этот комплекс установок, лежащий в основе рыцарского идеала, имел под собой «варварскую» составляющую – самоутверждение силы, закреплявшейся в качестве ценностного императива поведения, так как социум мог оградить себя от врагов лишь при наличии того профессионального слоя военных, готовых, по крайней мере в идеале, пожертвовать всем, даже жизнью, ради его благополучия. Этот идеал некоего избыточного мужества, доблести, героизма транслировался во многих других поведенческих императивах рыцарского поведения. Зазорно было сражаться со слабым или плохо вооруженным противником. И, напротив, особую славу можно было стяжать, выбирая заведомо сильного противника. Отсюда обычай обязательности равенства вооружения во время турнира, равенства вспомогательных сил во время поединка. Во время второго крестового похода Саладин, слышавший доблестным рыцарем, несмотря на свою принадлежность к врагам христианского мира, узнав, что под Ричардом Львиное Сердце пал конь, послал ему двух отменных скакунов. В «Песни о Нибелунгах» Зигфрид во время состязания в беге с Гунтером и Хагеном дает им фору:

За вами гнаться сзади
Я собираюсь в полном охотничьем наряде,
На руку щит повесив, с колчаном за спиной.

В то время как бургунды сняли одежду вплоть до сорочки, нидерландец, бежавший при полном вооружении, добрался до цели первым, продемонстрировав особую доблесть. В этом же тексте другой герой – прославленный Дитрих Бернский, – ранив в поединке врага, не менее доблестного Хагена, говорит про себя:

Тебя, - подумал бернец, - усталость доконала.
С тобой покончить просто, да чести в этом мало.
Хочу, чтобы достался ты, Хаген, мне живой,
И ради этого рискну, пожалуй, головой.
Отбросив щит, он вормса руками обхватил....

Демонстрация того, что может быть названо избыточным героизмом и без чего невозможно представить рыцарский идеал, чем ближе к закату Средневековья, тем явственнее обнаруживает свою неадекватность реалиям времени. Перед битвой при Нахере (Наваррете), где Бертран дю Геклен оказывается в плену, Генрих Трастамарский любой ценой хочет сразиться с противником на открытом месте. Он добровольно отказывается от преимуществ, которые давал ему рельеф местности, и проигрывает сражение.

В позднее Средневековье нарабатываются определенные знания того, что в Новое время получит название тактики и стратегии. Й. Хейзинга на простом примере иллюстрирует столкновение интересов стратегии и тактики с рыцарскими установками, оборачивающимися предрассудками. За несколько дней до битвы при Азенкуре король Англии, продвигаясь навстречу французской армии, в вечернее время миновал по ошибке деревню, которую его квартирмейстеры определили ему для ночлега. У него было время вернуться, он так бы и сделал, если бы при этом не пострадали вопросы чести. Король, «как тот, кто более всего соблюдал церемонии достохвальной чести», как раз только что издал ордонанс, согласно которому рыцари, отправляющиеся на разведку, должны были снимать свои доспехи, ибо честь не позволяла рыцарю двигаться вспять, если он был в боевом снаряжении. Так что, будучи облачен в свои боевые доспехи, король уже не мог

вернуться в означенную деревню. Он провел ночь там, где она застала его, распорядившись лишь выдвинуть караулы.

Идеалы рыцарской героики, замешанные на необходимости постоянного подтверждения рыцарем собственной силы и мужества, имели смысловую параллель с традициями того, что именуется **рыцарской авантюрой**. В «Песни о Нибелунгах» основные герои этой рыцарской эпопеи постоянно находятся в поисках воинского самоутверждения – Зигфрид отправляется на войну против короля саксов, затем вместе с Гунтером в Исландию, где живет воительница и красавица Брюнхильда, победа над которой сулит славу и престижный брак для бургундского короля. Рыцарь постоянно должен был следить за своим положением в обществе, это требовало от него все новых и новых побед, доказательств того, что он по праву принадлежит к этому сословию. В романе Кретьена де Труа «Эрек и Энида» влюбленный Эрек, разомлев от любовных утех на супружеском ложе, забывает о своем предназначении. Изменившееся отношение к Эреку окружающих заставляет Эниду напомнить мужу:

Теперь судачить всякий рад,
Простой и знатный, стар и млад,
Что будто ты не так уж смел
Изнежился и оробел.

И Эрек собирается в дорогу совершать многочисленные подвиги, которые должны были вернуть ему честное имя.

Говоря о комплексе рыцарских идеалов, связанных с функциональным предназначением рыцарей как людей военного сословия, и подчеркивая генетическое родство этих идеалов со многими ценностями варварского мира, следует отметить, что их отличало **новое религиозное наполнение**. Варвар также вкладывал в понятие своего воинского долга некий сакральный смысл – в бою им руководила сила Одина, который был насколько силен и мужествен, настолько же коварен и неразборчиво жесток. В этом представлении отражалась вся варварская эпоха. Средневековая эпоха свидетельствует, насколько упорядочился, оцивилизовался европейский мир, сумевший укротить яростную воинственность бывшего варвара, ограничить ее, подчинив новым рели-

гиозным ценностям. Благодаря христианству в центре внимания окажется духовное борение, претворение в жизнь христианских добродетелей.

Церковь, не принимавшая насилия и человекоубийства, была вынуждена считаться с природой мира, в который она пришла. Политическая атмосфера, в которой ей приходилось действовать: непрерывные войны, нашествия, раздоры, - создали условия для переосмысления войны. Многие в этом смысле сделали отцы церкви, в частности Августин Блаженный, сформулировав понятия праведной и неправедной войны. Война оправдана, если она направлена на восстановление мира и обеспечение безопасности. «Мира не ищут для того, чтобы творить войну, но творят войну для того, чтобы добиться мира», - так определил Августин подлинную миссию христово воинства. Мир воспринимался как знак восстановления попранной справедливости.

Главное предназначение воина-христианина, каковым мыслился рыцарь, и заключалось в восстановлении попранной справедливости, в торжестве заповедей Христа. Неслучайно родоначальником рыцарства многие его идеологи считали архангела Михаила – земной образец ангельского воинства, окружавшего престол Господень. Неслучайно один из основных элементов ритуала посвящения в рыцари содержал в себе провозглашение рыцаря «поборником мира» (формула литургии, авторство которой приписывают Дюрану – XIII век). Неслучайно в эпоху классического Средневековья в ритуале посвящения большую роль начинает играть символика цвета и предметов. На посвящаемого надевали белую рубаху – символ его чистоты, сверху - алое сюрко в знак крови, которую он готов пролить за христово дело. Штаны – шосс – были коричневого цвета, ибо человеку суждено было вернуться в землю, а пояс – белого, подчеркивавшего «незапятнанность чресел». Навершие меча украшалось крестом, который нередко служил вместилищем для реликвий. Возможно, это делалось для того, чтобы при принесении присяги рыцарь клялся не на оружии, а на святых мощах, полагает Ф. Кардини. Обоюдоострый клинок считался символом стойкости и верности в защите слабого против сильного, праведного против неправедного.

Безусловно, как и всякий идеал, идея допустимости лишь справедливой войны имела далеко не безграничный ресурс. Подчеркнем относительность этой регулятивной идеи в условиях общества, где война была хроническим явлением уже в силу того, что рыцарь оставался пусть христианизированным, как сказал бы Н.А. Бердяев, но язычником. Его стремление к самоутверждению, богатству, обладанию женщиной сплошь и рядом вступало в противоречие с христианской идеей. И тем не менее значимость этой регулятивной идеи сложно переоценить. Ей суждено было сыграть весьма значимую роль в трансформации культурного универсума рыцарства, изменении его установок на поведенческом уровне. Ментальный склад рыцаря претерпевал при этом весьма серьезные изменения. Историк может обнаружить их в тех подвижках, которые произошли на уровне обыденного сознания и запечатлелись в легендах.

Такова, например, легенда о Роберте Дьяволе, следы которой обнаруживаются в анонимном стихотворном романе. Прототипом Роберта Дьявола многие исследователи не без основания видят нормандского герцога Роберта I – отца Вильгельма Завоевателя, отличавшегося буйным нравом и изощренной жестокостью. Роберт убивает, сжигает церкви, святотатствует. На турнирах он ведет себя не как истинный рыцарь. С врагами он коварен и подл, с друзьями неблагодарен и жесток. Все сторонятся его, его именем пугают детей. Одно из самых ужасных по своей жестокости и бессмысленности его преступлений – разрушение старого аббатства, всех обитателей которого Роберт хладнокровно убивает.

Совершение этого злодейского поступка «отрезвляет» Роберта. Он сам потрясен содеянным. Пытаясь узнать, почему он, словно проклятый, творит подобные бесчинства, Роберт выпытывает у матери страшную тайну. Та рассказывает потрясенному рыцарю, как много лет назад бездетная герцогиня отдалась князю Тьмы и зачала от него. Только глубокое покаяние может спасти героя. Роберт отправляется в Рим как простой паломник – пешком и в рубище. Безропотно сносит оскорбления и насмешки уличной толпы. В конце концов, встав на путь добрых дел, он получает прощение. Главное из этих дел – снятие сарацинской осады с Вечного города. Роберт возглавляет римское войско и

освобождает братьев во Христе, встав на путь истинного благочестия. Легенда, выявляя два мотива – мотива чудовищных преступлений рыцаря, его гипертрофированной жестокости и мотива страстного, экзальтированного покаяния, – дает повод задуматься о той роли, которую играла христианская идея праведной войны в духовном борении рыцарства со своей земной, полуязыческой природой и какую ломку претерпевало при этом его сознание.

Тот комплекс установок, – **помощь слабому, милосердие**, – который современное сознание склонно приписывать рыцарству в качестве неотъемлемого ментального атрибута имел сложную природу. На уровне обыденного поведения рыцаря в силу ориентированности его сознания и поведения на поддержание чести формировался устойчивый, фиксируемый неписаным кодексом правил запрет на насилие в отношении более слабого. Ведь доблесть могла быть добыта лишь в состязании с сильным противником. Дополнительную подпитку этот запрет получил благодаря христианству, которое как путем проповеди, так и путем культурного насилия, напоминания о Страшном Суде способствовало закреплению данных культурных ценностей в духовном универсуме общества, обеспечив им большую будущность в смысловом поле гуманистических традиций европейской культуры.

Именно такую культурную преемственность можно проследить в тексте «Древа сражений» Оноре Боне, приора аббатства Селонне в Провансе (XVI в.). Он, рассуждая в трактате о проблемах войны справедливой и несправедливой, о правах на добычу и о верности данному слову, рассматривает их в рамках рыцарского поведения и в то же время в соответствии с духом гуманистических ценностей формирующейся новоевропейской культуры. Современный человек, как верно подметил Й. Хейзинга, полностью согласится с ответом Боне на вопрос, может ли король Франции, пока идет война с Англией, брать в плен «бедных англичан, торговцев, земледельцев и пастухов, кои пекутся о своих овцах на пастбищах?» Боне отвечает на него отрицательно: не только христианская мораль запрещает это, но также и «честь нынешнего века».

Дух милосердия и гуманности, с которым автор разрешает эти вопросы, заходит столь далеко, что простирается на право обес-

печения в неприятельской стране безопасности отца английского школяра, пожелавшего навестить своего больного сына в Париже. Насколько сильно трансформировался менталитет общества, где следование рыцарскому идеалу, особенно на ранних стадиях Средневековья, вовсе не означало осуждения жестокости по отношению к тем, кто так или иначе попадал в орбиту столкновения интересов воюющих, видно из сопоставления этих строк с хрестоматийным примером рыцарской жестокости, который приводит А.Л. Ястребицкая. Презрение к чужой жизни у рыцаря шло рука об руку с презрением к чужой смерти. Сицилийские норманны, взявшие в 1185 г. Солунь, развлекались тем, что раскладывали на улицах трупы убитых в обнимку с мертвыми ослими и собаками.

Да, конечно, и в Новое время, и в современную эпоху человечество сплошь и рядом сталкивается с такими формами проявления жестокости воюющих, что рыцарская жестокость темных веков может показаться отнюдь не исполненной той brutальной силы, которой она обладала. Однако совершенно очевидно и то, что эту неконтролируемую природную данность, начиная со средневековой эпохи, человек пытается поставить под контроль культурных ценностей, начало которым было положено в том числе и кодексом рыцарской чести.

Идеал рыцарской верности и традиции обета

Кодекс рыцарской чести предполагал в качестве непреложного правила поведения членов этого сословия их **верность слову**. Подобно тому, как члены варварского комитата служили своему вождю во многом в силу необходимости защищать интересы своей групповой идентичности, что чаще всего осознавалось как долг перед тем или иным конунгом, вождем и племенем, так и рыцарские сообщества, группировавшиеся в ордена, братства, линьяжи, осмысливали свой групповой интерес через призму долга верности слову. Эта ценностная установка рыцарского мира находила различного рода выражения в самых разных обычаях и ритуалах. Именно с ней был связан **обычай рыцарского обета**, находивший самые причудливые формы.

Фруассар рассказывает, что сам видел английских рыцарей, прикрывавших один глаз тряпицею во исполнение данного ими обета взирать на все лишь единственным оком, пока не совершат во Франции доблестных подвигов. Французский король Людовик Толстый клянется, что не возьмет в рот ни крошки съестного, пока не возьмет замка сеньора де Куси. Знаменитый коннетабль Франции Бертран дю Геклен клянется не брать в рот мяса и не снимать платья, пока не овладеет Монконтуром.

Несомненно, рыцарский обет своими истоками восходит к временам варварства. Вспомним рассказ Тацита о том, как хатты вдевали в ноздри кольца и не вынимали их, пока не убьют врага. Не сдержат данного слова или обета означало обнаружить свою слабость. Аскетическая составляющая также роднит рыцарский обет с варварским обычаем. Воздержание призвано было стимулировать скорейшее выполнение обещанного. При этом родство варварского и рыцарского обычаев прослеживается в их нередко магической подоплеке. Зачастую как знак обета используются оковы. Так, герцог Жан Бурбонский вместе с шестнадцатью другими рыцарями и оруженосцами дает обет в течение двух лет каждое воскресенье носить на левой ноге цепи, подобные тем, что надевают на пленников, пока не отыщут они шестнадцати рыцарей, которые пожелают сразиться с ними в пешем бою.

Эта магическая форма, роднившая рыцаря с варваром, в средневековую эпоху получила новое смысловое наполнение благодаря христианству. Й. Хейзинга проводит параллель между веригами, которые носили кающиеся грешники во время паломничества, а также кандалами, в которые заковывали себя благочестивые подвижники и аскеты, и *emprises* (путами) рыцарей. В идеале обет приносился во имя исполнения божьего дела. Христианская этика способствовала закреплению на ценностном уровне понятия верности как одного из важнейших структурообразующих идеалов социума. Вольфрам фон Эшенбах начинает свой знаменитый роман «Парцифаль» вступлением о верности и неверности. Тот, кто был неверен, не имел ничего святого, неминуемо попадет в ад. Рыцарственный дух, соединенный с отвагой и верностью, поможет заслужить спасение:

Неверности прощенья нет,
Ее одежды – черный цвет,
И ей во мраке ада дом.
Кто пред людьми был чист во всем
И верность Богу сохранил,
Сиянье рая заслужил.

Верность слову, выраженная в клятве, стоит за таким ритуалом, как **оммаж**. Оммаж являлся обрядом, скреплявшим личный договор между рыцарем и его сеньором. Рыцарь при этом объявлял себя «человеком» сеньора, его вассалом (отсюда и происхождение термина (*hommagium* от *homo*). Кладя соединенные руки в ладони сеньора и произнося формулу: «Сир, я становлюсь вашим человеком», рыцарь приносил присягу на верность на мощах святых. Предательство рыцарем своего господина было сродни предательству Иуды. Во имя исполнение этого долга чести рыцарь в идеале должен был пожертвовать всем, включая дружеские узы и даже жизнь.

В «Песни о Нибелунгах» воплощение рыцарской чести маркграф Рюдегер Бехларенский вынужден выбирать между дружбой с Хагеном и вассальной верностью Этцелю и Кримхильде. После мучительной внутренней борьбы он решает погибнуть, защищая дело своих господ. При этом он уплачивает последний долг дружбе с бургундами – вручает Хагену свой щит. Величие этого жеста, отмечает А.Я Гуревич, по достоинству оценивается окружающими, глаза которых покраснели при виде передаваемого им щита.

Отстаивая честь своего сеньора, Хаген идет на убийство Зигфрида, не раскаивается в содеянном (несмотря на то, что врага своих господ – бургундских королей – он одолевает хитростью, а не в честном рыцарском бою, в котором Зигфрид был бы явным победителем), открыто признает, что он убийца Зигфрида. Более того, Хаген выполняет свой вассальный долг, даже узнав о пророчестве, гласящем, что никто из бургундов, стало быть и он сам, не возвратится живым из страны гуннов. И доблестно сражается и умирает за честь своих королей.

Верность сеньора вассалу не менее значима, чем верность вассала сеньору. Сеньор, не заботящийся о жизни своего вассала,

имел мало шансов приобрести других военных слуг. В критический момент сражения с гуннами бургундские короли, чьи воины истекают кровью, получают шанс спастись самим и спасти свои дружины ценой выдачи Хагена, их вассала, – этого требует Кримхильда, жаждущая отомстить за Зигфрида. Могучий Гернот на это ей отвечает:

Да не попустит бог,
Чтоб нашего вассала мы отдали в залог.
Мы тысячею братьев пожертвуем скорее,
Чем предадим хоть одного из верных нам людей.

Верность распространяется и на отношение рыцаря с Богом. Причем верность понимается рыцарским сословием как взаимное обязательство. Господь мыслился не только Богом верных рыцарей, но и верным Богом. В рыцарском сознании он предстает как защитник и даритель благ тем рыцарям, которые праведно исполняют свой долг. Не случайно Христос в миниатюрах псалтырей XII в. представлен с мечом и щитом, в кольчуге, со шлемом на голове, окруженный свитой рыцарей и министраликов. В образах феодального быта рисуется и день Страшного суда, когда Господь со своими лучшими рыцарями соберет свой двор, свою курию и будет судить правых и виноватых, верных и неверных.

Богатство и щедрость в рыцарском сознании

Литература рыцарской среды выявляет органичную **связь понятий чести, могущества и богатства**. Чем сильнее и могущественнее рыцарь, тем, как правило, он и богаче. Богатство являлось знаком не только могущества, но и удачливости. Именно поэтому в «Песни о Нибелунгах» основная коллизия рыцарской эпопеи разворачивается вокруг темы клада Нибелунгов. Возвратить его для Кримхильды означает и восстановить честь, и подтвердить могущество.

Щедрость – оборотная сторона удачи и могущества. Кодекс чести включал в себя щедрость как обязательную максимум поведения рыцаря. Чем сильнее был сеньор, чем могущественнее был его линияж, тем, как правило, богаче он был. А большей частью,

и щедрее. Следует особо подчеркнуть, что идеал щедрости, как и идеал мужества, особенно в раннюю эпоху, носил некий избыточный характер. Хрестоматийный пример о рыцаре, засеявшем поле серебром, невольно приходит на ум в качестве примера экстраемального выражения характера этой ценности.

Традиции рыцарской среды, с присущей ей склонностью публично демонстрировать и «расточать» богатство, были сильны даже в условиях, когда жизнь диктовала новые требования. Это особенно ярко видно в повседневной жизни. Так, в XV в. тирольский эрцгерцог Сигизмунд мог задаривать кубками, наполненными до краев серебряными самородками, своего знатного гостя и племянника, молодого короля, Максимилиана I. Другой пример. В 1477 г. саксонский курфюрст Альбрехт, заехав на рудник в Шнееберге, приказал накрыть себе стол на большой глыбе серебряной руды шириной в 2, высотой в 4 метра с тем, чтобы иметь возможность посостязаться с самим императором. Во время застолья курфюрст горделиво заметил своим сотрапезникам, что могучий и богатый император Фридрих, как бы ни был богат, не имеет пока «такого великолепного стола».

Эта избыточная, нерациональная щедрость проявляла себя в пышных пирах, празднествах. Не случайна английская поговорка XIII в. – «сеньор не садится за стол один». Не случайны и такие атрибуты убранства рыцарского замка, как длинные столы и длинные скамьи. За обильными пирами нередко следовали (по крайней мере, для не особо богатой части рыцарства) дни скудного рациона и вынужденного воздержания. Безусловно, в темные века, когда Европа представляла собой натурально-хозяйственный мир деревень и замков, в которых ценность сокровищ, особенно денег, была принципиально иной, нежели в современном мире, безоглядное расточительство сокровищ, шире – богатства, было органично рыцарскому мироощущению с его гипертрофированной потребностью в публичном самоутверждении. Однако и в более позднюю эпоху, когда развивавшийся товарно-денежный уклад начал диктовать необходимость счета денег, идеал избыточной щедрости продолжал быть значимым императивом поведения людей, что нередко оборачивалось курьезами трагикомического, с точки зрения современного человека,

характера. Свадьба, которую устроили ландсхутские герцоги в Баварии в 1475 г. (а они были настолько богаты, что ходили упорные слухи, будто бы в их владениях есть башня, набитая доверху деньгами), была настолько пышной, что собрала всю знать Германии. Однако затраты были столь велики, что казначей герцогов, получив отчет о расходах, повесился.

Богатые пиры, роскошная одежда, дорогое оружие, подарки – публичные знаки могущества и удачливости. Вместе с тем богатство имело не только психолого-символический и знаковый смысл. Оно являлось и средством привлечения вассалов. Маркграф Рюдегер, вассал Кримхильды, поставленный перед выбором: сохранить верность своей госпоже или дружбу с бургундскими королями, просит Кримхильду освободить его от присяги вассальной верности и обещает возратить пожалованные ему ленные владения – земли с бургам.

Безусловно, что дары, которые получали рыцари за свою службу, были различными. Рыцари, более знатные и могущественные, получали от тех, кто стоял выше их на иерархической лестнице и был богаче, соответствующие ленные владения. Безлошадные, как их называли, то есть небогатые рыцари, могли служить за кров, лошадей, словом за определенное содержание. Важно подчеркнуть, что идеал рыцарской щедрости получил столь широкий резонанс в культурном обиходе западноевропейского мира на почве вполне определенных социальных практик. Гранды, говорится в уже приводимом отрывке из сирвенты Бертрана де Борна, становятся во время войны щедрее.

В хронике Робера де Клари, мелкого рыцаря из Пикардии, участника IV крестового похода, много говорится о том, что простые *chevalier* были обделены высокородными рыцарями добычей. Все повествование этого выразителя взглядов мелкого небогатого рыцаря из Франции пронизано духом негодования по поводу «несправедливости», содеянной сеньорами, ибо «ничто не было разделено к общему благу войска, или ко благу бедных рыцарей, или оруженосцев, которые помогли завоевать это добро». За обидой рыцаря-хрониста скрываются притязания тех, кто рассчитывал не на жалкие подачки и не на крохи от завоеванного в Константинополе добра, а на нечто гораздо большее. Эти притя-

зания Робера де Клари, равно как и ожидания Бертрана де Борна, чрезвычайно значимы для понимания природы идеала рыцарской щедрости.

Социальная структура рыцарского сословия в Западной Европе была такова, что выполнение рыцарской феодальной элитой военных функций, невозможное без обретения новых вассалов и соответствующего материального вознаграждения их, способствовало закреплению психологической установки в качестве культурного идеала щедрости. Какие бы сложные мутации не претерпел этот идеал, встретившись с реалиями жизни Нового времени, заставившего не только простолюдина, но и рыцаря рассчитывать свои траты, ему суждено было пополнить культурный багаж европейца. Этот идеал будет востребован и в более поздние эпохи, не исключая и прагматичную современность.

Безусловно, стремление к обогащению, табуированное христианской этикой того времени, являлось одним из важнейших мотивов поведения рыцарства, мотивов, маскировавшихся в самые разные культурные мифы. Во время крестовых походов жажда обогащения, особенно мелкого безземельного рыцарства, найдет свое обоснование в необходимости освобождения гроба Господня и братьев во Христе. Причем богатая добыча рассматривалась как естественный дар Господа, отблагодарившего рыцаря за верную службу.

Собственное стремление рыцаря к обогащению, вытесняемое в подсознание, переносилось на врага – мусульманам, как и евреям, приписывалась особая страсть к стяжательству. Грабеж Константинополя, в ходе которого была разграблена одна из главных святынь христианского мира – собор Святой Софии, – оправдывался тем, что рыцари наказывали схизматиков. Робер де Клари в своей хронике «Завоевание Константинополя», описывая несметные сокровища столицы Византии («две трети земных богатств», по его словам, были собраны в этом городе), оправдывает разгром и грабеж его тем, что греки отошли от истинной веры.

Стремление к богатству, воинской славе, табуированное христианской этикой и оцениваемое церковью как греховные алчность и гордыня, подсознательно всегда определяло те или иные поиски рыцарства. Средневековый социум давал возможность

примирять эти устремления с интересами самого общества, подчинив его эгоистические устремления идеям «справедливой» войны, помощи слабым, что работало на нравственное самосовершенствование рыцаря. Нередко эти устремления обретают в рыцарской поэзии и романе сублимированно-утонченный, казалось бы, отвлеченный смысл - рыцарь ищет нечто, что не имеет прямого практического значения для его жизни или жизни окружающих, скажем легендарный Грааль. Грааль – чаша причастия, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Христа. Грааль превратился в олицетворение мистического рыцарского начала, стал культурным символом высшего совершенства.

Именно такой путь проходит главный герой романа Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль». Сын короля Гамурета, погибшего в рыцарских странствиях на Востоке, Парцифаль был воспитан матерью в лесу, чтобы его не постигла участь отца. Но от судьбы не уйти. В лесу же Парцифаль встречается с рыцарями короля Артура и решает стать одним из них. Побывав при дворе короля Артура, Парцифаль сражается с Красным рыцарем и побеждает его. Поворотный момент его судьбы – встреча с «королем-рыбаком» Амфортасом, который и «подсказывает» ему путь к Граалю. Однако долгое время Парцифаль не может достичь цели, мешает разлад с Богом. Наконец, появляется вестник и сообщает рыцарю, что он прошел свой путь искупления. В итоге, миная все препятствия, Парцифалю удается достичь мистической цели, и он становится королем Грааля.

Если в период раннего и классического Средневековья стремление рыцарства к обогащению по большей части вытеснялось, переносилось на «чужаков» (в широком смысле этого слова) или утонченно сублимировалось, то ближе к «осени средневековья» отношения, связанные с богатством, все более десакрализуются, богатство приобретает вполне мирской характер, все более рационализируется его материальная значимость для рыцаря.

Рыцарь и женщина. Культ Прекрасной Дамы

Природная данность вкупе с духовной ограниченностью социокультурной среды раннего Средневековья отчетливо прояв-

ляют себя в отношении к женщине в этот период. Как и в древнегерманской поэзии, в литературе раннего средневековья женщина занимает чрезвычайно малое место. В ней отсутствует всяческая куртуазность, авантюризм, сколько-нибудь внятный интерес к «жизни сердца». В «Песни о Роланде» «высокое» чувство главного героя в последние минуты его жизни обращено не к его невесте Альде, лишь мельком упоминаемой в тексте, но к его «верной подруге» - спате (мечу) Дюрандаль.

В эпоху классического Средневековья ситуация меняется. Именно в рыцарской среде формируется культ Прекрасной Дамы, составляющий самую сердцевину так называемой куртуазной любви, под которой понимается новая форма отношений между мужчиной и женщиной. Современниками тогдашней эпохи куртуазная любовь называлась «*fine amour*», то есть утонченной любовью. Историки литературы реконструировали модель этой своеобразной культурной игры по сохранившимся поэтическим текстам того времени. Известный французский историк Жорж Дюби соотнес данную литературную реконструкцию с историческим контекстом, и вырисовалась следующая модель. В центре ее знатная замужняя дама, либо жена сеньора, либо того рыцаря, чей иерархический статус значимее, чем статус «влюбленного». Ради нее влюбленный готов на многое. Во имя своей госпожи он совершает всевозможные подвиги, наградой за которые служит подаренный платок, ласковый взгляд тому подобный знак внимания дамы к доблестному ухажеру, но никак не соитие – венец плотской любви, долгое время исчерпывавшей содержание любви как таковой.

Дама может принять или отклонить ухаживания того, кто принес себя в дар. Приняв их, она тем не менее не может свободно распоряжаться своими чувствами. Тело ее принадлежит мужу, нарушение норм супружества чревато суровым наказанием. Равно как и удел влюбленного рыцаря – подвиги и мечты о наивысшем блаженстве. Истинная природа куртуазной любви, таким образом, реализуется в сфере воображаемого и в области игры.

Куртуазная любовь носила социально-знаковый характер, символизировала престиж мужчины в рыцарском сообществе. Впоследствии неписанный кодекс чести закрепил как обязательное

условие формулу: рыцарь не рыцарь, если он не имеет дамы сердца. К XII в. во Франции сложился обычай майората, согласно которому наследственный надел, феодал, доставался одному, преимущественно старшему сыну. Остальные члены семьи мужского пола обречены были оставаться неженатыми. Конечно, они не были ущемлены в половой сфере: простолюдинки, будь то служанки, девушки окрестных деревень или проститутки, были готовы одарить молодого благородного рыцаря своим вниманием. Но, само собой разумеется, успех у них не поднимал престиж рыцаря в глазах общества. Иное дело знатная дама. Достоин зависти и восхищения был тот, кто сумел добиться внимания дамы. Нелишне заметить, что ею нередко становилась жена дядюшки, брата или сеньора. Чаще всего именно эти женщины были для молодых юношей объектом мечтаний, поскольку их школой нередко был двор сеньора их отца или дяди по материнской линии.

Рассмотренный с историко-психологической точки зрения сам процесс куртуазной любви проливает свет на тот механизм окультуривания пространства любовных взаимоотношений, который был связан с культом Прекрасной Дамы. Совершенно очевидно, что все участники данной культурной игры, каждый на свой лад, были заинтересованы в ней. Добиваясь внимания дамы, рыцарь имел шанс получить не только знаки признания со стороны благородной, а возможно и красивой женщины, но и утвердиться в глазах общества. Даме ухаживания пусть небогатого, но молодого и благородного рыцаря приносили свои «дивиденды». Удовлетворялось ее женское самолюбие (не следует забывать, что нередко муж был старше ее, а сам брак заключался не по велению сердец, а для укрепления линияжа), равно как и статусные амбиции. Муж должен был ценить внимание к собственной супруге – столь притягательная для других благородных мужей особа принадлежала именно ему, этим повышалась его самооценка, равно как и оценка его окружающими.

Поэтические тексты куртуазной лирики выявляют повторяющиеся мотивы, прозрачно высвечивающие основу желаний рыцаря – в своих мечтах он видит себя и даму обнаженными. Однако хотя редким смельчакам и удавалось овладеть предметом своих мечтаний, что вызывало зависть и восхищение таких же, как он,

молодых рыцарей, тем не менее большая их часть была вынуждена контролировать себя, учитывая разные «весовые категории» пусть благородного, но небогатого и невлиятельного рыцаря и его титулованного и состоятельного соперника в лице мужа дамы.

Разо Гильема де Кабестаня, полюбившего жену своего сеньора и поплатившегося за свою любовь сердцем в прямом и переносном смысле слова (муж в конечном счете разрешил ситуацию по принципу «око за око», убил рыцаря, вырезал его сердце, отдал его повару и приготовленное из него кушанье приказал подать за обедом жене), показывает, как и многие другие тексты, чем могла обернуться неконтролируемая страсть. Поэтому влечение дисциплинировалось, сублимировалось и переводилось в регистр утонченных чувств. Удовольствие, которое получал рыцарь от этой игры, заключалось не столько в сфере реализуемого, сколько в сфере воображаемого. Так рождалось явление платонической, или «высокой» любви к даме, придавшей женщине новую высокую знаковую ценность. Поскольку ее глазами, ее сознанием производилась оценка мужчины, то не мог не повыситься и ее ценностный статус в глазах мужского общества.

Наконец, трансформировался и духовный мир мужа дамы. Можно лишь догадываться, какими муками терзался муж в ходе этой игры. Однако тот же мотив самоутверждения заставлял если не всех, то многих, отличавшихся разумностью, контролировать проявление своей ревности, так как это косвенным образом могло запятнать репутацию сеньора, явиться свидетельством того, что он допускает со стороны дамы возможность выбора в пользу соперника, который тем самым оказывается в положении знаково более сильной фигуры. «Работа супруга над собой» не могла не сказаться на его отношении к даме. Повышалась ее ценность в его глазах, оцивилизовывалась обыденная практика их взаимоотношений, опосредованно влияя на восприятие других.

В приводимом уже резюмэ о Гильеме де Кабестане резонанс любовного чувства героев был настолько велик, что король Арагонский, чьим вассалом был муж дамы, пошел на него войной, отнял у него все имущество, а самого Раймона заключил в тюрьму. Всем дамам и рыцарям Руссильона король повелел ежегодно собираться у общей могилы Гильема и его возлюбленной и отме-

чать годовщину их смерти. В одной из версий знаменитого романа «Тристан и Изольда» обманутый король Марк отправляется в погоню за любовниками, осмелившимися нанести ему столь большое оскорбление. Оказавшись у шалаша, в котором нашли приют уставшие любовники, Марк видит, что «она рубашки не сняла, раздельны были их тела». Смятение, которое охватывает короля, свидетельствует, насколько изменилось, по крайней мере в идеале, отношение к «свободной любви». Да, конечно, Марк раздумывает, помиловать или убить влюбленных. Однако тот факт, что муж убеждает себя словами автора в присутствии лишь высокого чувства («они в лесу живут давно и знаю твердо я одно, когда б обоих похоть жгла, Изольда б голая легла. И меч из смертоносной стали между собой бы класть не стали», говорит сам за себя.).

Хотя преувеличивать значение нового идеала, безусловно, не стоит. Родившаяся куртуазная стилистика отношений между мужчиной и женщиной была достаточно хрупкой, для той эпохи она являлась скорее регулятивным идеалом, чаще расхоронившимся с жизнью, нежели воспроизводимым в ней. Источники сплошь и рядом говорят о физическом насилии (не говоря уже о его других формах), даже над знатными женщинами. В «Песни о Нибелунгах» в многочисленных текстах рыцарской среды женщины вообще присутствуют лишь на заднем плане, их облик и чувства не индивидуализированы. В лучшем случае, как, например, в хронике Робера де Клари, упоминаются дамы знатного происхождения, указывается их родственно-титulyный статус.

И тем не менее этот идеал, сформировавшись к рубежу XI – XII в. в среде южнофранцузского рыцарства, со временем распространился в других европейских странах. При всем том, что в более поздние эпохи была развенчана и высмеяна его романтически избыточная природа, ему была суждена большая будущность в судьбах европейской культурной традиции.

Его рождение во Франции и распространение в Европе вполне закономерны. Лежавшая в основе куртуазной игры социально-психологическая «интрига» могла возникнуть лишь в соответствующем историко-культурном контексте. Конечно же, и в обществах средневекового Востока, и в Древней Руси подданный мог

возжелать жену своего господина или правителя. Но властная дистанция между ними была достаточно большой, а стереотипы иерархического сознания крепкими, чтобы мужчина, а тем более женщина могли позволить себе те отношения, которые были естественными для французской рыцарской среды.

Специфика складывания феодальной элиты в Западной Европе, прежде всего во Франции, с присущими ей эгалитарными установками сознания и поведения, сделали возможным «признание» женщины. Идеал Прекрасной Дамы при всей своей избыточности, осмеянный за чрезмерную романтизацию отношений полов уже в XIII в. в знаменитом «Романе о Розе», оказался значимым культурным ориентиром для европейского мира не только в Средневековье, но и в Новое время и, как это ни парадоксально, в эмансипированной современности.



Заключение

Средневековая цивилизация Запада и рожденная в ее лоне культура рыцарства – явления, которые можно понять лишь в режиме «большого времени». Истоки этих феноменов в варварском мире, их культурный резонанс во многом определяет характер культурных ценностей современного европейца. Идеалы героизма, мужества, честности, верности долгу, «высокой» любви, словом, все-то, что составляет «сухой остаток» живой и многообразной картины рыцарской культуры Западной Европы, имели ярко выраженную индивидуалистическую интонацию.

Именно специфика социокультурного ландшафта рождения и бытования рыцарской культуры в Европе придала ей своеобразное звучание и оформление в соответствующих эпохе понятиях и ценностях. Подчеркнем, что в этом смысле чрезвычайно значимыми оказались исторические условия генезиса рыцарства, элита которого обладала относительно широкими материальными и властными ресурсами, чтобы «держать дистанцию» по отношению к правителю. Значимыми оказались и отношения внутри рыцарской среды, позволившие сформироваться относительно автономной человеческой личности мелкого и небогатого рыцаря. В этом смысле образ д'Артаньяна, культовый образ для европейца, является квинтэссенцией мироощущения свободной личности, для которой понятия долга и чести опосредованы ее личным выбором.

Именно это своеобразие вкупе с теми смыслами, которые были переданы средневековому Западу античной и христианской

культурными традициями со свойственными им персонализмом и гуманизмом, зададут рыцарской среде особое интонирование темы человека. При этом важно подчеркнуть, что при всей своей избыточности, или, что одно и то же, романтизации, рыцарские идеалы и ценности во многом будут направлять духовные поиски европейцев последующих эпох. Как и культура варварской Европы, культура рыцарского мира внесет свой вклад в тот культурный багаж, который ляжет в основу европейского гуманизма, пронизанного ценностью и значимостью человеческого «Я» во всех проявлениях его диалога с окружающим миром.

ИСТОЧНИКИ

Песнь о Нибелунгах

В отрывке из авентюры «О том, как Зигфрид приехал в Вормс» идеальный рыцарь Зигфрид находит свою любовь в полном соответствии с куртуазными правилами. Еще не видя красавицы Кримхильды, а только услышав вести о ее красоте и высоком роде, герой влюбляется в нее и отправляется сватать Кримхильду к ее братьям - королям бургундов.

Так жил воитель смелый, не ведая забот,
Покуда не услышал в свой час и свой черед
О девушке бургундской, что так была мила.
Она и счастье Зигфриду и горе принесла.

Ходил по многим странам слух о ее красе,
За добрый нрав и разум ее хвалили все,
И так везде пленяла мужчин молва о ней,
Что не было у Гунтера отбою от гостей.

Но между тех, кто б с нею охотно в брак вступил,
Никто Кримхильде не был настолько люб и мил,
Чтоб в сердце королевны мог воцариться он:
Еще не знала девушка того, кто ей сужден.

Меж тем стал думать Зигфрид: кого в супруги взять?
Кто б жениху такому решился отказать?
Кто из знатнейших женщин не жаждал брака с ним?
Недаром он Кримхильдою был так потом любим.

Он о любви все чаще мечтал день ото дня,
И стали все упорней дружина и родня
Твердить, чтоб в жены выбрал он ровно по рождению.
И Зигфрид так отвечивал на эти наставленья:

"С бургундской королевной хочу я в брак вступить -

Ничья краса не может Кримхильдину затмить.
Славнейший император, мечтай он о жене,
Ее бы счел невестою, достойною вполне".
Весь двор пришел в волнение, узнав ответ его,
И Зигмунд огорчился за сына своего.
Старик-король боялся, что кончится бедой
Любовь его наследника к бургундке молодой.

Когда ж поведал Зигмунд Зиглинде обо всем,
Она загоревала об отпрыске своем:
Ей страх большой внушали бургунды искони.
И сына отговаривать взялись вдвоем они.

Но молвил пылкий Зигфрид: "Мой дорогой отец,
Уж лучше не пойду я вовеки под венец,
Коль не могу жениться на той, кого люблю,
И в этом, как ни гневайтесь, я вам не уступлю".

После гибели Зигфрида его вдова Кримхильда вышла замуж за гуннского короля Этцеля, лелея одну надежду – отомстить убийцам первого мужа. Ради этой мести она заманивает бургундских королев и их вассалов якобы на пир к Этцелю и пытается погубить, но разгоревшаяся в пиршественном зале битва неудачна для гуннов – бургунды перебили множество вассалов Этцеля. Этцель и Кримхильда обращаются к своему могучему вассалу Рюдегеру Бехларенскому с просьбой о помощи. Рюдегеру приходится делать трагический выбор между вассальной присягой и дружеской связью с бургундскими королями.

О том, как был убит Рюдегер

Едва отбили рейнцы тот приступ поутру,
Муж Готелинды милой явился ко двору,
И, услышав повсюду рыдания и стон,
В сердечном сокрушении заплакал горько он.

"Увы! - маркграф воскликнул. - Не мил мне белый свет.
Ужель уладить ссору надежды больше нет?
И рад бы я вмешаться, да много ль проку в том?
Не буду даже выслушан я нашим королем".

У Дитриха из Берна он приказал узнать,
Не согласится ль Этцель призывам к миру внять,
Но тот ему ответил: "Бургундов не спасти.
Не разрешит противников король нам развести".

Один воитель гуннский, случайно увидав,

Как утирает слезы бехларенский маркграф,
Приблизился к Кримхильде и злобно ей сказал:
"Взгляните, как себя ведет сильнейший ваш вассал,
С которым обращались как с другом вы досель.

Немало он подарков, и замков, и земель
От вашего супруга в награду заслужил.
Так почему же нынче он меча не обнажил?

Выходит, дела нету ему до наших слез -
Ведь он-то от бургундов ущерба не понес.
Я слышал, не обидел его отвагой Бог,
Однако это доказать нам Рюдегер не смог".

Окинул гневным взором бехларенец того,
Кто вел такие речи с Кримхильдой про него.
Он думал: "Ты на людях чернишь меня, подлец,
Но убедисься ты сейчас, что я и впрямь храбрец".

Он ринулся на гунна и, крепко сжав кулак,
Советчика дурного в лицо ударил так,
Что разом жизнь угасла в поверженном лгуне,
Но Этцель, это увидав, мрачнее стал вдвойне.

Воскликнул честный витязь: "Издохни, мерзкий трус!
Я сам скорблю глубоко, что нынче не дерусь
И до сих пор дружину на рейнцев не веду.
Причина есть и у меня питать к гостям вражду.

И я бы мог немало наделать им вреда,
Когда бы самолично их не привез сюда.
Коль скоро я бургундам служил проводником,
Не подобает, чтоб меня сочли они врагом".

Взглянул король на гунна, лежавшего в пыли,
И Рюдегеру бросил: "Да, мне вы помогли,
Но только мало проку от помощи такой -
И без того недешево обходится нам бой".

Маркграф ему ответил: "Я лишь обиду смыл.
При всех меня покойник бесстыдно осрамил,
Сказав, что я не стою наград, мне данных вами.
Пусть не язвит он впредь других поносными словами".

Явилась королева и тоже увидала,
Сколь страшной смерти предал маркграф ее вассала,

И покатались слезы у ней из ясных глаз.
Она спросила: "Рюдегер, за что вы злы на нас

И отягчить хотите нам бремя наших бед?
Вы сами мне и мужу твердили много лет,
Что жизнью, да и честью, для нас рискнуть готовы.
Как весь наш двор, считали мы, что держите вы слово.

Ужели вы забыли, в чем клятву дали встарь,
Когда меня в супруги избрал ваш государь?
Служить вы обещали мне до скончанья дней,
А нам такой слуга, как вы, сейчас всего нужней".

"Да, госпожа, вы правы: принес я клятву вам,
Что ради вас, коль надо, и жизнь и честь отдам,
Но никогда не клялся, что душу погублю.
На пир, а не на смерть я вез бургундов к королю".

Воскликнула Кримхильда: "Припомните, маркграф,
Как вы давали клятву, рукой мне руку сжав,
Отмстить тому, кем будет задета честь моя".
Он молвил: "Вам не отказал ни в чем ни разу я".

Сам Этцель обратиться к нему был принужден.
Склонил с женой колени перед вассалом он.
Дослушал государя с тоской в душе смельчак
И на мольбы о помощи ему ответил так:

"Увы, зачем доньне щадила смерть меня?
Знать, Богом я отринут, коли дожил до дня,
Когда презреть придется мне дружбу, верность, честь -
Все, что для нас заветного на этом свете есть.

К какому бы решенью сейчас я ни пришел,
Любое будет только одним из равных зол,
А оба отвергая, я трусом бы прослыл.
Да просветит мой разум Тот, кто жизнь в меня вселил!"

Но Этцель и Кримхильда стояли на своем,
И я вам без утайки поведаю о том,
Как после долгих споров им уступил храбрец,
Дал рейнцам бой и в том бою нашел себе конец.

Знал Рюдегер достойный, что, обнажив клинок,
Лишь новые несчастья на всех бы он навлек

И сам бы неизбежно был осужден молвой.
Вот оттого и возражал он Этцелю с женой.

"Король,- промолвил витязь,- я буду только рад,
Коль все награды ваши возьмете вы назад.
Мне ничего не надо - ни замков, ни земель.
Уж лучше я в изгнание с сумой уйду отсель".

"Кто ж мне тогда поможет? - король в ответ ему.-
Нет, я назад ни земли, ни замки не возьму,
А разделю, напротив, с тобою власть свою,
Коль за меня моим врагам ты отомстишь в бою".

"Не знаю я, что делать,- сказал маркграф опять.-
В Бехларене бургундов мне довелось принять,
Хлеб-соль водил я с ними, дарил подарки им.
Так вправе ль приуготовлять я смерть гостям своим?"

Хоть посчитают люди, что стал я трусом низким,
Не страх меня снедает, а мысль, что другом близким
Имею я несчастье владыкам рейнским быть
И с ними, на свою беду, хотел в родство вступить.

Я дочь свою просватал за младшего из них:
Ведь Гизельхер - завидный по всем статьям жених.
Ручаюсь головою, еще не видел свет,
Чтоб был так смел, силен, учтив король столь юных лет".

Вновь молвила Кримхильда, о помощи моля;
"Ах, друг мой, пожалейте меня и короля!
Подумайте хотя бы о том, какой урон
Был нынче нам, хозяевам, гостями нанесен".

С отчаяньем на это ей Рюдегер сказал:
"Итак, своею кровью заплатит ваш вассал
За все, чем вы взыскали в былые дни его,
И больше мне доказывать не надо ничего.

Теперь лишусь не только земель и замков я.
Безвременно прервется сегодня жизнь моя,
А вы уж позаботьтесь о тех, кто дорог мне -
О всех моих бехларенцах, о дочке и жене".

Король, услышав это, опять воспрял душой.
"Пусть небо,- он воскликнул,- воздаст тебе, герой,

А я твоих домашних вовеки не покину,
Хоть и уверен, что в бою не ждет тебя кончина".

Заплакала Кримхильда, поверив наконец,
Что жизнь и душу ставит на ставку удалец,
А он промолвил: "Долгу я верность соблюду,
Как мне ни горько, что друзьям я принесу беду".

Расстался с государем маркграф в большой тоске.
Пошел он и вассалов сыскал невдалеке.
Дружинникам отважным дал Рюдегер приказ:
"К оружию! Принужден вести я на пришельцев вас".

Оруженосцам тут же велели смельчаки
Подать кольчуги, копья, щиты и шишаки,
И каждый снарядился, как мужу подобало.
Бургундам вскоре сделали они вреда немало.

Шло с Рюдегером в битву пять сотен храбрецов
Да, сверх того, двенадцать Кримхильдиных бойцов,
К бехларенцам примкнувших, чтоб славу заслужить.
Не знали витязи, что им уже недолго жить.

Маркграф шишак надежный надвинул на чело,
Мечи его вассалы держали наголо,
У каждого на локте висел широкий щит.
Внушил тревогу Фолькеру воинственный их вид.

Узнав, что к двери зала бехларенцы спешат,
Млад Гизильхер Бургундский был несказанно рад -
Он счел, что на подмогу к нему явился тесть.
Как можно было иначе понять такую весть?

Соратникам он молвил: "На счастье наше с вами,
Успели мы в дороге обзавестись друзьями.
Как славно, что невесту мне ниспослал Творец!
В последний миг на помощь нам приспел ее отец".

"С чего вы это взяли? - скрипач в ответ ему.-
Тому, кто хочет мира, ей-богу, ни к чему
К нам для переговоров вести такую рать.
Нет, нас за земли с замками ваш тесть решил продать".

Все это смелый шпильман еще не досказал,
Как Рюдегер добрался уже до входа в зал

И на пороге молча поставил щит к ногам,
Не пожелав хотя б кивком послать привет друзьям.

Затем, возвысив голос, предупредил гостей:
"Сражайтесь, нибелунги, с дружиною моей.
Я к вам пришел, герои, не с миром, но с мечом.
Я прежде вашим другом был, а ныне стал врагом".

Бургунды приуныли, услышав речь его.
Немало натерпелись они и без того.
Поэтому жестоко терзала и гнала
Их мысль, что даже Рюдегер - и тот им хочет зла.

Сказал с испугом Гунтер: "Помилуй вормсцев, Боже!
Ужели отвернулись от нас, маркграф, вы тоже
И не на кого больше надеяться нам здесь?
Нет, я не верю, что презреть могли вы долг и честь".

Но Рюдегер печально промолвил королю:
"Поклялся я Кримхильде, что с вами в бой вступлю,
А госпожу не вправе обманывать слуга.
Обороняйтесь, витязи, коль жизнь вам дорога".

На это дал маркграфу король ответ такой:
"Вам следовало б раньше к нам воспылать враждой.
Вы так нам были верны и так любили нас,
Что мы от друга вправе ждать того же и сейчас.

Когда б вы согласились нам нынче дать пощаду,
Мы все до самой смерти служить вам были б рады
За щедрые подарки, что нам вы поднесли,
Когда нас в землю Этцеля на празднество везли".

И Рюдегер воскликнул: "С какою бы охотой
Я снова вас осыпал подарками без счета,
Когда б повиноваться лишь зову сердца мог
И мне за это не грозил, в предательстве упрек!"

Возвысил голос Гернот: "Одумайтесь, маркграф!
Ужель, нас так сердечно в Бехларене приняв,
Вы только зла хотите теперь гостям своим?
А мы ведь пригодимся вам, коль смерти избежим".

Но Рюдегер ответил: "Ах, если бы Творец
На Рейн вам дал вернуться, а мне послал конец,

Чтоб этою ценою бесчестья я избег!
Убив друзей, себя стыдом покрою я навек".

Опять промолвил Гернот: "Мне было б тяжело,
Когда б такого мужа сраженье унесло.
Пусть, Рюдегер, за щедрость вам Бог воздаст с лихвой.
Я ваш подарок - добрый меч - всегда ношу с собой.

Он нынче безотказно хозяину служил.
Я им немало гуннов с размаху уложил.
Он так блестящ и звонок, надежен и остер,
Что мир оружия лучшего не видел до сих пор.

Но если нападете вы на моих родных
И смерти предадите кого-нибудь из них,
Вас вашим же подарком убью немедля я,
Хоть мне супругу вашу жаль, а с вами мы друзья".

"Ах, господин мой Гернот, дай Бог, чтоб было так,
И в поединке с вами пал ваш невольный враг.
Ведь если целы вормсцы останутся в бою,
Смогу оставить я на вас жену и дочь свою".

Млад Гизельхер, сын Уты, сказал на это: "Тесть,
Неужто вы забыли, что все вас любят здесь?
Ваш долг - не биться с нами, а нам в беде помочь,
Иначе станет до венца вдовою ваша дочь.

Коль с нами поведете вы разговор мечом,
Раскаяться придется мне поневоле в том,
Что вас я чтил глубоко, во всем вам доверял
И в жены вашу дочь, маркграф, поэтому избрал".

Бехларенец ответил: "Коль всемогущий Бог
Сподобит вас вернуться на Рейн в свой час и срок,
Мой грех не вымещайте на дочери моей
И, невзирая ни на что, останьтесь верны ей".

Млад Гизельхер промолвил: "Я ей не изменю,
Но если нападете вы на мою родню
И тех, кто жив покуда, начнете убивать,
Придется с вашей дочерью и с вами мне порвать".

"Так пусть нас Бог рассудит!" - вскричал маркграф с тоской
И поднял щит, готовясь вести дружину в бой,

И начал подниматься по лестнице к дверям,
Но Хаген сверху закричал бехларенским бойцам:

"Не торопитесь кровью оружие обагрить.
В последний раз мы с вами хотим поговорить,
Пока не перебили нас всех до одного,
Хоть, право, пользы Этцелю не будет от того".

Муж Гунтера прибавил: "Я сильно озабочен.
Как ни широк и звонок, как ни тяжел и прочен
Тот щит, что Готелиндой мне в дар преподнесен,
Но гуннских копий и мечей не выдержал и он.

Вот если б соизволил ты, Господи всезрящий,
Чтоб Рюдегер достойный мне отдал щит блестящий,
Который он на локоть так ловко нацепил,
С таким прикрытьем я бы в бой и без брони вступил".

"Его тебе, мой Хаген, я сам вручил давно бы,
Когда б не знал, что это вселит в Кримхильду злобу.
А впрочем, для чего мне теперь ее любовь?
Возьми мой щит - Бог даст, на Рейн ты с ним вернешься вновь".

У многих покраснели глаза от жарких слез,
Когда свой щит воитель так щедро преподнес
Тому, с кем было биться приказано ему.
Не делал больше он с тех пор подарков никому.

На что владетель Тронье был грозен и суров,
Но и его, как прочих бургундских удалцов,
Бехларенец глубоко растрогал и потряс
Своим великодушием в предсмертный грозный час.

Сказал маркграфу Хаген: "О, доблестный боец,
Пускай за благородство тебе воздаст Творец!
Никто с тобой на свете в радушье не сравнится,
И память о твоих делах навеки сохранится.

Как сознавать мне больно, что мы - враги отныне!
И без того довольно с нас горя на чужбине,
А тут еще с друзьями придется драться нам".
Ответил Рюдегер: "Скорблю об этом я и сам".

Песнь о Роланде

Отряд графа Роланда оставлен Карлом Великим, чтобы прикрывать отход франкского войска из Испании. Предупрежденные предателем - Ганелоном, арабы собрали несметные войска, чтобы погубить этот отряд и славнейших рыцарей Карла.

LXXXII

Промолвил Оливье: "Идут враги.
Я в жизни не видал такой толпы.
Сто тысяч мавров там: при каждом щит,
Горят их брони, блещут шишаки,
Остры их копыя, прочны их мечи.
Бой небывалый нынче предстоит.
Французы, пусть Господь вас укрепит.
Встречайте грудью натиск сарацин".
Французы молвят: "Грус, кто побежит!
Умрем, но вас в бою не предадим".
Аой!

LXXXIII

Граф Оливье сказал: "Врагов - тьмы тем,
А наша рать мала, сдается мне.
Собрат Роланд, трубите в рог скорей,
Чтоб Карл дружины повернуть успел".
Роланд ответил: "Я в своем уме
И в рог не затрублю, на срам себе.
Нет, я возьмусь за Дюрандаль теперь.
По рукоять окрашу в кровь мой меч.
Пришли сюда враги себе во вред.
Ручаюсь вам, их всех постигнет смерть".
Аой!

LXXXIV

"Трубите в рог скорей, о друг Роланд!
Король услышит зов, придет назад,
Баронов приведет на помощь нам".
"Не дай господь! - Роланд ему сказал. -
Не стану Карла я обратно звать,
Себе и милой Франции на срам.

Нет, лучше я возьмусь за Дюрандаль,
Мой добрый меч, висящий у бедра,
По рукоять окрашу в кровь булат.
Враги себе во вред пришли сюда.
Их всех постигнет смерть, ручаюсь вам".

Аой!

LXXXV

"О друг Роланд, скорей трубите в рог.
На перевале Карл услышит зов.
Ручаюсь вам, он войско повернет".
Роланд ему в ответ: "Не дай господь!
Пуускай не скажет обо мне никто,
Что от испуга позабыл я долг.
Не посрамлю я никогда свой род.
Неверным мы дадим великий бой.
Сразу я мавров тысячу семьсот,
Мой Дюрандаль стальной окрашу в кровь.
Врага французы примут на копье.
Испанцам всем погибнуть суждено".

LXXXVI

Граф Оливье сказал: "Вы зря стыдитесь.
Я видел тьму испанских сарацинов,
Кишат они на скалах и в теснинах,
Покрыты ими горы и долины.
Несметны иноземные дружины.
Чрезмерно мал наш полк в сравненье с ними".
Роланд в ответ: "Тем злей мы будем биться.
Не дай господь и ангелы святые,
Чтоб обесчестил я наш край родимый.
Позор и срам мне страшны - не кончина.
Отвагою - вот чем мы Карлу милы".

LXXXVII

Разумен Оливье, Роланд отважен,
И доблестью один другому равен.
Коль сели на коня, надели панцирь -
Они скорей умрут, чем дрогнут в схватке.
Их речи горды, их сердца бесстрашны.
На христиан арабы бурей мчатся,
И молвит Оливье: "Враги пред нами,
И далеко ушли дружины Карла.

Когда бы в рог подуть вы пожелали,
Поспел бы к нам на помощь император.
Взгляните вверх, где круты скалы Аспры:
Там арьергард французов исчезает.
А нам теперь уж путь назад заказан".
Роланд ему: "Безумна речь такая.
Позор тому, в чье сердце страх закрался.
Стоим мы здесь и не пропустим мавров.
Верх мы возьмем, и поле будет нашим".
Аой!

LXXXVIII

Роланд увидел: битвы не минуть,
Как лев иль леопард, стал горд и лют,
Воскликнул громко: "Побратим и друг!
Вам говорить такое не к лицу.
Не зря нас Карл оставил с войском тут:
Не знает страха ни один француз,
И двадцать тысяч их у нас в полку.
Вассал сеньеру служит своему.
Он терпит зимний холод и жару,
Кровь за него не жаль пролить ему.
Копьем дадите вы отпор врагу.
Я Дюрандаль, что Карл мне дал, возьму.
Кто б ни владел им, если я паду,
Пусть скажет, что покойник был не трус".

После жаркой битвы с арабами становится ясно, что французы, несмотря на всю свою доблесть, несут большие потери и обречены на поражение.

CXXVII

Роланд увидел - велики потери
И к Оливье такое слово держит:
"Собрат, я вам клянусь царем небесным,
Весь луг телами рыцарей усеян.
Скорблю о милой Франции я сердцем:
Защитников она лишилась верных.
Ах, друг-король, опора наша, где вы?
Брат Оливье, скажите, что нам делать?
Как королю послать о нас известье?"
Ответил граф: "Не дам я вам совета.
По мне, погибель лучше, чем бесчестье".
Аой!

СХХVIII

Роланд сказал: "Возьму я Олифан
И затрублю, чтоб нас услышал Карл.
Ручаюсь вам, он повернет войска".
Граф Оливье ответил: "Нет, собрат.
Вы род наш осрамите навсегда.
Не смыть вовек нам этого пятна.
Не вняли вы, когда я к вам взывал,
А ныне поздно нам на помощь звать.
Бесчестьем было б затрубить сейчас -
Ведь руки вплоть до плеч в крови у вас".
"То вражья кровь!" - воскликнул граф Роланд.

СХХIX

Промолвил граф Роланд: "Ужасна сеча!
Я затрублю, и Карл сюда поспеет".
Ответил Оливье: "То нам не к чести.
Я к вам взывал, но внять вы не хотели.
Будь здесь король, мы гибели б избегли,
Но тех, кто с Карлом, упрекнуть нам не в чем.
Собрат, клянусь вам бородой моею,
Что, если вновь с сестрицей Альдой встречусь,
Она с Роландом ложе не разделит".
Аой!

СХХХ

Спросил Роланд: "Чем так вы недовольны?"
А тот ответил: "Вы всему виною.
Быть смелым мало - быть разумным должно,
И лучше меру знать, чем сумасбродить.
Французов погубила ваша гордость.
Мы королю уж не послужим больше.
Подай вы зов, поспел бы он на помощь
И не избегли б нехристи разгрома,
Король Марсилий - плена или гроба.
Нам ваша дерзость жизни будет стоить,
Теперь вы Карлу больше не помощник.
Вовек он не найдет слуги такого.
Вы здесь умрете, Франции на горе,
И наша дружба кончится сегодня:
До вечера мы дух испустим оба".

Аой!

CXXXI

Архиепископ спор услышал их,
Златые шпоры в скакуна вонзил,
Подъехал и с упреком говорит:
"Роланд и Оливье, друзья мои,
Пусть вас господь от ссоры сохранит!
Никто уже не может нас спасти,
Но все-таки должны вы затрубить.
Услышит Карл, неверным отомстит,
Французы маврам не дадут уйти.
Сойдут они со скакунов своих,
Увидят нас, изрубленных в куски,
Оплачут нашу смерть от всей души,
Нас приторочат к мулам на вьюки
И прах наш отвезут в монастыри,
Чтоб нас не съели свиньи или псы".
Роланд в ответ: "Умней не рассудить".
Аой!

Битва закончилась отступлением остатков арабского войска. Но при этом погибли и все французские рыцари. Смертельно раненый Роланд прощается со своим мечом.

CLXX

Почуял граф, что смерть его настигла,
Встал на ноги, собрал остаток силы,
Идет, хотя в лице и ни кровинки.
Пред темной глыбой он остановился,
По ней ударил десять раз сердито.
О камень меч звенит, но не щербится.
Граф молвит: "Богоматерь, помоги мне,
Пора нам, Дюрандаль, с тобой проститься.
Мне больше ты уже не пригодишься.
С тобой мы многих недругов побили,
С тобой большие земли покорили.
Там Карл седобородый правит ныне.
Владеть тобой не должен враг трусливый:
Носил тебя вассал неустрашимый,
Такого край наш больше не увидит".

CLXXI

Бьет граф теперь мечом по глыбе красной.
Сталь не щербится - лишь звенит о камень.
Он видит, что с клинком ему не сладить,
И начинает тихо сокрушаться:
"Мой светлый Дюрандаль, мой меч булатный,
Как ты на солнце блещешь и сверкаешь!
Ты в Морианском доле дан был Карлу -
Тебя вручил ему господний ангел,
Чтоб ты достался лучшему вассалу,
И Карл меня тобою препоясал.
С тобой я покорил Анжу с Бретанью,
С тобою Мэн и Пуату я занял;
С тобой громил я вольный край нормандский;
С тобой смирил Прованс, и Аквитанью,
И всю Романью, и страну ломбардцев;
С тобою бил фламандцев и баварцев;
С тобой ходил к полякам и болгарам;
С тобой Царьград принудил Карлу сдаться;
С тобой привел к повиновенью саксов,
Ирландцев, и валлийцев, и шотландцев,
И данниками Карла сделал англов,
С тобою вместе покорил все страны,
Где ныне Карл седобородый правит.
С тобой расстаться больно мне и жалко.
Умру, но не отдам тебя арабам.
Спаси нас, боже, от такого срама!"

CLXXII

Бьет граф Роланд теперь по глыбе серой.
Немало от нее кусков отсек он;
Сталь не щербится - лишь звенит, как прежде,
Меч, невредим, отскакивает кверху.
Граф видит - все усилия бесполезны
И тихо восклицает в сокрушенье:
О Дюрандаль булатный, меч мой светлый,
В чью рукоять святыни встарь я вделал:
В ней кровь Василья, зуб Петра нетленный,
Власы Дениса, божья человека,
Обрывок риз Марии-приснодевы.
Да не послужит сталь твоя неверным.
Пусть лишь христианин тобой владеет,
Пусть трус тебя вовеки не наденет!
С тобой я покорил большие земли.

Наш Карл пышнобородый - их владетель.
Он ими правит с пользою и честью".

CLXXIII

Почуял граф - приходит смерть ему.
Холодный пот струится по челу.
Идет он под тенистую сосну,
Ложится на зеленую траву,
Свой меч и рог кладет себе на грудь.
К Испании лицо он повернул,
Чтоб было видно Карлу-королю,
Когда он с войском снова будет тут,
Что граф погиб, но победил в бою.
В грехах Роланд покаялся творцу,
Ему в залог перчатку протянул.
Аой!

Вернувшемуся слишком поздно, чтобы спасти Роланда и его отряд, войску Карла Великого приходится сразиться с войсками прибывшего из-за моря на помощь испанским маврам эмира. Предводители сражающихся сходятся в финальной схватке.

CCLVII

День миновал, вечерний час подходит,
Но меч враги не вкладывают в ножны.
Отважны те, кто рати свел для боя.
Их ратный клич звучит, как прежде, грозно,
"Пресьоз!" - кричит эмир арабский гордо,
Карл "Монжуа!" в ответ бросает громко.
По голосу один узнал другого.
Сошлись они на середине поля.
Тот и другой пускают в дело копьей,
Врагу удар наносят в щит узорный,
Его пронзают под наверхьем толстым,
Распарывают на кольчугах полы,
Но невредимы остаются оба.
Полопались у них подпруги седел.
С коней бойцы свалились наземь боком,
Но на ноги вскочили тотчас ловко,
Свои мечи булатные исторгли,

Чтоб снова продолжать единоборство.
Одна лишь смерть конец ему положит.
Аой!

CCLVIII

Отважен милой Франции властитель,
Но даже он не устрасит эмира.
Враги мечи стальные обнажили,
Бьют по щитам друг друга что есть силы,
Навершья, кожа, обручи двойные -
Все порвалось, расселось, расскочилось.
Теперь бойцы одной броней прикрыты.
Клинки из шлемов высекают искры.
Не прекратится этот поединок,
Пока эмир иль Карл не повинится.
Аой!

CCLIX

Эмир воскликнул: "Карл, совету внемли:
В вине покайся и проси прощенья.
Мой сын тобой убит - то мне известно.
Ты незаконно вторгся в эту землю,
Но коль меня признаешь сюзереном,
Ее получишь в ленное владенье".
"Мне это не пристало,- Карл ответил.-
С неверным я не примирюсь вовеки.
Но другом буду я тебе до смерти,
Коль ты согласен воспринять крещенье
И перейти в святую нашу веру".
Эмир ответил: "Речь твоя нелепа".
И вновь мечи о брони зазвенели.
Аой!

CCLX

Эмир великой силой наделен -
Бьет Карла он по голове мечом.
Шлем разрубил на короле клинок,
Проходит через волосы его,
Наносит рану шириной в ладонь,
Срывает кожу, оголяет кость.

Шатнулся Карл, чуть не свалился с ног,
Но не дал одолеть его господь.
К нему послал он Гавриила вновь,
И ангел молвил: "Что с тобой, король?"

CCLXI

Король услышал, что промолвил ангел.
Забыл о смерти он, забыл о страхе.
К нему вернулись разом мощь и память.
Мечом французским он врага ударил,
Пробил шишак, украшенный богато,
Лоб раздробил, разбрызгал мозг араба,
До бороды рассек эмира сталью.
Упал язычник, и его не стало.
Клич "Монжуа!" бросает император.
Немон, услышав это, к Карлу скачет
И сесть на Тансандора помогает.
Бегут арабы: так судил создатель.
Услышал он мольбы французов наших.

CCLXII

Бегут арабы. Так судил творец.
Карл и бароны мчатся им вослед.
Король кричит: "Вершите суд и месть!
Воздайте за родных и за друзей,
Вы утром их оплакивали смерть".
"Да будет так!" - гремят полки в ответ,
Французы мавров бьют что силы есть,
Удастся лишь немногим уцелеть,

По возвращении на родину Карл желает осудить Ганелона за предательство, погубившее Роланда и многих славных воинов. Судебный поединок, согласно рыцарской поэзии - вернейшее средство рассудить, кто прав.

CCLXXII

Предстал суду и Карлу Ганелон.
Он свеж лицом, на вид и смел и горд.
Вот был бы удалец, будь честен он!
Бросает на собравшихся он взор,
Стоят с ним тридцать родичей его.
Суду он громко говорит потом:

"Бароны, да хранит вас всех господь!
Ходил я с императором в поход,
Ему был предан телом и душой.
Но на меня Роланд замыслил зло,
Ко мне жестокой воспылал враждой,
На муки и на казнь меня обрек,
Послал меня к Марсилию послом.
При всех Роланду вызов брошен мой,
Его и пэров вызвал я на бой.
Всю нашу ссору видел сам король.
Я только мстил, и нет измены в том".
Бароны молвят: "Суд все разберет".

CCLXXIII

Увидел Ганелон, что дело плохо.
Зовет он тридцать родственников кровных.
Один из них над всеми верховодит.
То - Пинабель, что из Сорансы родом.
Он на язык остер и ловок в споре,
А коль дойдет до боя - воин добрый.
Аой!

Граф молвит: "Будьте мне в беде оплотом,
Не дайте кончить жизнь на месте лобном".
А тот ответил: "Ничего не бойтесь.
Кто здесь о казни вымолвит хоть слово,
С тем тотчас я вступлю в единоборство
И дам отвод оружием приговору".
Тут ниц пред ним граф Ганелон простерся.

CCLXXIV

Сошлись на суд бургундцы и баварцы,
Французы, пуатвинцы и нормандцы.
Есть там саксонцы, есть и алеманы.
Всех судей остальных овернцы мягче -
Жестокий страх им Пинабель внушает.
Все говорят: "Покончим с этой тяжбой.
Оставим суд, пойдем попросим Карла,
Чтоб Ганелону дал король пощаду,
И тот ему опять слугою станет.
Погиб Роланд и не придет обратно.
Не воскресить его серебром иль златом.
От поединка проку будет мало".

Так мыслят все, кто там на суд собрался.
Один Тьерри, брат Жоффруа, - иначе.
Аой!

CCLXXV

Вот судьи к императору пришли
И молвят: "Мы решили вас просить,
Чтоб Ганелона пощадили вы.
Он будет впредь вам ревностно служить.
Он знатен родом - сжальтесь же над ним,
Ведь все равно племянник ваш погиб.
Златой казней его не воскресить".
Король ответил: "Все вы подлецы!"
Аой!

CCLXXVI

Увидел Карл - оставлен всеми он,
Нахмурил брови и поник челом,
Стал от тоски и горя сам не свой.
Вдруг предстает Тьерри пред королем.
То Жоффруа Анжуйца брат меньшей.
Он строен, худошав и быстроног,
Кудрями черен, смугловат лицом,
А ростом и не мал и не высок.
Учтиво Карлу молвил он: "Сеньер,
Умерить постарайтесь вашу скорбь.
Вы знаете: вам предан весь наш род,
И я, как предки, вам служить готов.
Да, отчима Роланд обидеть мог,
Но кто вам служит - нет вины на том,
А Ганелон его на смерть обрек,
Нарушил клятву и презрел свой долг.
На рель его! - таков мой приговор.
А труп изрежут пусть в куски потом.
Подлец не стоит участи иной.
А если кто из родичей его
Посмеет приговору дать отвод,
Я подтвержу свои слова мечом".
Все молвят: "Рассудил он хорошо".

CCLXXVII

Вот Пинабель пред королем предстал.
Велик он ростом, быстр, могуч и храбр.
Его удар смертелен для врага.
Он молвил: "Воля ваша, государь.
Пусть понапрасну судьбы не кричат.
Я слышал, что Тьерри изрек сейчас,
И докажу мечом, что он не прав".
С тем он свою перчатку Карлу дал.
Король спросил: "А кто заложник ваш?"
Тот три десятка родичей призвал.
Король велел под стражей их держать,
Своих взамен представить обещал.
Аой!

CCLXXVIII

Тьерри увидел - бой не за горами.
Вручил он Карлу правую перчатку.
Тот взял, своих заложников назначил.
Четыре Карл велел скамьи поставить -
Пусть сядут там противники до схватки.
Счел суд законным бой единогласно.
Ожье Датчанин споры все уладил.
Бойцы коней и брони просят дать им.
Аой!

CCLXXIX

Как только бой судом дозволен был,
К обедне в храм отправились враги,
Покаялись во всех грехах своих
И вклад большой внесли в монастыри.
Вернулись вместе к королю они.
Надели шпоры на ноги бойцы,
В надежные доспехи облеклись,
Ремнями подвязали шишаки,
На пояса привесили мечи.
Взял каждый свой четырехпольный щит.
Копье в руках у каждого из них,
И слуги скакунов им подвели.
Вокруг сто тысяч рыцарей скорбит:
Роланд им дорог, жалко им Тьерри.
Ведь знает только бог, кто победит,

CCLXXX

Под Ахеном обширное есть поле.
Отправились туда враги для боя,
Могучи и неустрашимы оба.
Их скакуны легки и быстроноги.
Бароны шпорят, отпускают повод,
Друг другу что есть сил удар наносят.
Раздроблены щиты, пробиты брони.
Подпруги рвутся, и сползают седла.
С коней на землю валяются бароны.
Сто тысяч человек глядят и стонут.
Аой!

CCLXXXI

Бойцы на землю рухнули с седла,
Но тут же встали на ноги опять.
Проворен Пинабель, могуч и яр.
Друг к другу поединщики спешат.
Меч с золотым эфесом каждый взял.
Клинки о шлемы крепкие звенят,
Ударом отвечают на удар.
Скорбят французы, плачет Карл, молясь:
"О господи, дай правде воссиять!"

CCLXXXII

"Тьерри, сдавайся! - Пинабель кричит. -
И я вассалом сделаюсь твоим,
Отдам тебе владения свои,
Лишь Ганелона с Карлом помири".
Тьерри в ответ: "Об этом помолчи.
Я был бы низок, если б уступил.
Один господь нас может рассудить".
Аой!

CCLXXXIII

Тьерри кричит: "Ты, доблестный барон,
Могуч, сложен на славу и высок.
Известно всем, что ты вассал лихой.
Сдавайся мне, сопротивляться брось,
И короля я помирю с тобой.
А Ганелона не спасет ничто.

Неслыханную казнь претерпит он".
Ответил Пинабель: "Не дай господь.
За родичей стоять - мой долг прямой.
Вовек не уклонюсь я от него.
Уж лучше гибель, чем такой позор".
И вот удары зазвенели вновь.
По шлему золотому бьет клинок.
Взлетают к небу искры и огонь.
Теперь никто не разведет врагов.
Их поединок только смерть прервет.
Аой!

CCLXXXIV

Могуч и ловок Пинабель Соранский.
В шлем провансальский он врага ударил.
От искр на поле запылали травы.
Так метко Пинабель свой меч направил,
Что расколел он на Тьерри забрало.
Клинок рассек ему шишак с размаху,
И лоб, и щеку правую поранил,
До живота насквозь прорезал панцирь.
Но спас Тьерри от гибели создатель.
Аой!

CCLXXXV

Тьерри увидел - ранен он в лицо.
Стекает на траву из раны кровь,
По голове врага ударил он
И до забрала шлем рассек на нем.
Из раны наземь вывалился мозг.
Пал Пинабель, издав последний вздох.
Закончился ударом этим бой.
Кричат французы: "Суд свершил господь!
Повешены должны быть Ганелон
И тридцать поручителей его".
Аой!

CCLXXXVI

Бой кончен, поле за Тьерри осталось.
Как победитель, он предстал пред Карлом,
И с ним четыре знатные вассала:
Анжуец Жоффруа, Немон Баварский,

Гильом из Бле и граф Ожье Датчанин.
Тьерри в объятья принял император,
Стер кровь с него плащом на горностае,
Плащ отшвырнул, в другой облекся сразу,
С Тьерри доспехи осторожно сняли,
На мула он арабского посажен
И в город с ликованием отправлен.
Вот возвратились все на площадь в Ахен,
А там уже виновных ждет расправа.

CCLXXXVII

Сзывает Карл баронов на совет:
"Как поступить с задержанными мне?
За родича они пришли радеть.
В залог их нам оставил Пинабель".
Французы отвечают: "Всех на рель"
Наместнику Бабрюну Карл велел;
"Ступай и всех задержанных повесь,
Клянусь седею бородой моей:
Коль хоть один сбежит, тебе конец".
"Исполню все",- Бабрюн ему в ответ.
Сто стражей силой тащат их на смерть.
На казнь пошло их тридцать человек.
Предатель губит всех - себя, друзей.
Аой!

CCLXXXVIII

Единодушно порешили судьи:
Баварцы, пуатвинцы и бургундцы,
Бретонцы и особенно французы,-
Чтоб Ганелон погиб в жестоких муках.
Вот к четырем коням злодей прикручен.
Привязан крепко за ноги и руки,
А кони эти дики и могучи.
Четыре стража отпускают узды,
Летят по лугу кони что есть духу,
На все четыре стороны несутся.
У Ганелона жилы растянулись,
Оторвались конечности от трупа.
Трава от крови покраснела густо.
Он умер смертью пленника и труса.
Изменой да не хвалится преступник.

Поэзия провансальских трубадуров

Тенсона – один из жанров провансальской поэзии, представляющий собой стихотворный диалог двух поэтов, своеобразный диспут на любовные, поэтические или философские темы. Обычно, как и в данном случае, тенсона завершается апелляцией к знатым и сведущим в законах куртуазии персонам с просьбой решить, кто из поэтов прав.

Тенсона. Бертран д'Аламанон и Сордель

Бертран, пусть был бы выбор вам предложен:
Отречься от изысканных утех
Любви, забыв про прежний свой успех,
Иль больше не вытаскивать из ножен
Меча, притом что Дама-то как раз
Лишь воина ценить и будет в Вас,
Что предпочтете? Мой вопрос несложен
На вид, но в нем всей жизни смысл заложен.

Мой путь в любви, Сордель, был столь тревожен,
Чинили дамы столько мне помех,
Что я оставлю с радостью их всех;
Мне кажется, ваш самый тезис ложен:
Ведь от любви отказ - от мук отказ,
Меж тем как список славных браней нас
Украсит, и он может быть умножен;
Иной ответ, пожалуй, невозможен.

- Когда б вы знали, как ваш пыл потешен!
Кто строит доказательства свои
На том, Бертран, что можно без любви
Прожить, тот, право, должен быть повешен;
Боль сладкую и куртуазный бой
Сменять на шрамы, голод, холод, зной
Решится только тот, кто впрямь помешан:
Лишась любви, я был бы безутешен.

- Клянусь, Сордель, ваш выпад безуспешен;
Иль вы хотите быть влюбленным, чьи
Трусливы взоры, кто ведет бои
Лишь на словах, кто безоружен, спешен
С коня? Ищу я радости другой -
Воинственной, возвышенной, благой:
Любовный подвиг с поношеньем смешан,

Тогда как бранный - славен и безгрешен.

- Верь та, кому я шлю мольбы без счета,
Что я храбрец, - и вот уж хороша
Жизнь, друг Бертран: не стоит ни гроша
Ни неприязнь всех прочих, ни забота;
По мне, возлечь, обвив рукою стан,
Приятней, чем на землю пасть от ран,
Как милая вам франкская пехота;
И поцелуй нежней удара дрота.

- Сордель, что значит чувство без полета?
Возможно ль, чтоб, правдивостью дыша,
И лже-заслугой хвасталась душа?
Саму любовь такая губит льгота;
Поэтому, оставив вам обман,
Я неге предпочту походный стан;
Я победил, вам спорить нет расчета:
Долг бранный не любовная охота.

- Пускай графиня де Родес туман
Рассеет в нашей дружбе, друг Бертран.
Она достойна больше всех почета,
Ибо Учтивость чтить - ее забота.

- Я одобряю, друг Сордель, ваш план;
Графиня - чудо, но не хуже Жан
Де Валлери, он - воин, эта нота
Ему близка, он избежит просчета.

Альба – «рассветная песнь» - другой популярный жанр провансальской поэзии. Она обычно описывает расставание влюбленных на заре, после ночного свидания.

Альба. Анонимная песня XII в.

Боярышник листвою в саду поник,
Где донна с другом ловят каждый миг:
Вот-вот рожка раздастся первый клик!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил!

Ах, если б ночь господь навеки дал,
И милый мой меня не покидал,
И страж забыл свой утренний сигнал...

Увы, рассвет, ты слишком поспешил!

Под пенье птиц сойдем на этот луг.
Целуй меня покрепче, милый друг,
Не страшен мне ревнивый мой супруг!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил!
Продолжим здесь свою игру, дружок,
Покуда с башни не запел рожок:
Ведь расставаться наступает срок.
Увы, рассвет, ты слишком поспешил!
Как сладко с дуновеньем ветерка,
Струящимся сюда издалека,
Впивать дыханье милого дружка!
Увы, рассвет, ты слишком поспешил!
Красавица прелестна и мила.
И нежною любовью расцвела,
Но, бедная, она невесела,
Увы, рассвет, ты слишком поспешил!

Кансона – это песня, обычно ограниченная в своей тематике любовными или религиозными темами и отличающаяся изысканным и сложным строением строфы.

Кансона. Бернарт де Вентадорн

Нет, не вернусь я, милые друзья,
В наш Вентадорн: она ко мне сурова.
Там ждал любви — и ждал напрасно я,
Мне не дожидаться жребия иного!
Люблю ее — то вся вина моя,
И вот я изгнан в дальние края,
Лишенный прежних милостей и крова.
Как рыбку мчит игривая струя
К приманке злой, на смерть со дна морского,
Так устремила и любовь меня
Туда, где гибель мне была готова.
Не уберег я сердце от огня,
И пламя жжет сильней день ото дня,
И не вернуть беспечного былого.
Но я любви не удивлюсь моей,
Кто Донну знал, все для того понятно:
На целом свете не сыскать милей
Красавицы приветливой и статной.
Она добра, и нет ее нежней,

Со мной одним она строга, пред ней
Робею, что-то бормоча невнятно.
Слуга и друг, в покорности своей
Я лишь гневил ее неоднократно
Своей любовью, - но любви цепей,
Покуда жив, я не отдам обратно!
Легко сказать: с другою преуспей,
Но я чуждаюсь таких затей,
Хоть можно все изобразить превратно.
Да, я любезен с каждою иной
Готов дарить ей все, что пожелала,
И лишь любовь я посвятил одной,
Все прочее так бесконечно мало.
Зачем же Донна столь строга со мной?
Зачем меня услала с глаз долой?
Ах, ждать любви душа моя устала!
Я шлю в Прованс привет далекий мой,
В него вложил я и любви немало.
Считайте чудом щедрым дар такой:
Меня любовью жизнь не наделяла,
Лишь обольщала хитрою игрой,
Овернец, правда, ласков был порой,
Очей Отрада тоже обласкала.
Очей Отрада! Случай мой чудной,
Все чудеса затмили вы собой,
Вы, чья краса столь чудно воссияла!

Тенсона. Дальфин и Пердигон

Пердигон! Порой бесславно
Жизнь ведет свою барон,
Он и груб, и неумен,
А иной виллан бесправный
Щедр, учтив, и добр, и смел,
И в науках преуспел.
Что донне можете сказать:
Кого из этих двух избрать.
Когда к любви ее влечет?

Мой сеньор! Уже издавна
Был обычай заведен
(И вполне разумен он!):
Если донна благонравна,
С ровней связывать удел

Тот обычай повелел.
Как мужику любовь отдать?
Ведь это значит потерять
И уваженье, и почет,

Пердигон! Зачем злонравный
Благородным наречен!
Нет! Лишь в сердце заключен
Благородства признак главный,
И наследственный удел
Не заменит славных дел.
Иной барон - зверям подстать.
Ужель медведя миловать?
Тут имя знатное не в счет!

Мой сеньор! Мне так забавна
Ваша речь. Я поражен:
Ведь виллан же не рожден,
Чтобы донн ласкать, как равный!
Сколь бы он ни обнаглел,
И для наглых есть предел!
Как донну - донной величать,
Коль та с мужицкою смешать
Посмела кровь, что в ней течет?

Пердигон! Забыли явно
Вы про вежества закон,
Вот так мудрый Пердигон!
Сердце с сердцем равноправно.
Я б на имя не глядел
И призвать бы донн посмел
Любовь достойным отдавать.
А званьями пренебрегать:
Мы все - один Адамов род!

Мой сеньор! Вопрос исправно
Разберем со всех сторон.
Рыцарь верен испокон
Власти вежества державной,
А мужик в бароны сел,
Да глядишь - и охамел:
Кота-мурлыку сколь ни гладь,
Но стоит мыши зашуршать,
И зверем стал домашний кот!

Пердигон! Кто ж одолел
В нашем споре? Срок приспел:
Чью правоту теперь признать,
Один Файдит волён решать.
Пускай сужденье изречет!
Мой сеньор! Я б не хотел,
Чтоб его сей спор задел -
Он сам виллан! Но должен знать:
Любви достойна только знать,
Вилланов же - мотыга ждет!

Томас Мэлори. Смерть Артура

А вслед за тем прибыл ко двору бедный человек, и с ним ладный молодец восемнадцати лет от роду, верхом на тощей кобыле. И всех, кого ни встречал он, спрашивал бедный человек;

- Где найти мне короля Артура?

- Вон он там, - отвечали рыцари. - А тебе от него что-нибудь надобно?

- Да, - отвечал бедный человек, - для того я сюда и прибыл. И, приблизившись к королю, поклонился он ему и сказал:

- Король Артур, цвет всех королей, да спасет тебя Иисус! Сэр, я слышал, что ныне, в день вашей свадьбы, вы обещали исполнить желание всякого, если только оно в пределах разумного.

- Это правда, - сказал король, - об этом повелел я возгласить и обещание исполню, пусть только будет просьба не в ущерб моему королевству и моему сану.

- Хорошо вы говорите и милостиво, - сказал бедный человек. - Сэр, я ни о чем ином не прошу вас, возведите лишь моего сына в рыцари.

- Велика милость, что ты спрашиваешь, - сказал король. - Как твое имя? - спросил король у бедного человека.

- Сэр, мое имя Арий, я скотопас.

- Откуда желание твое, от тебя или же от твоего сына?

- Нет, сэр, - отвечал Арий, - желание это от моего сына, не от меня. Ибо, поведаю вам, у меня тринадцать сыновей, и все мне повинуются и рады заняться тем, к чему я их приставлю, лишь этот отрок не идет на работы – что бы мы с женой ни делали, ему бы все только стрелять да метать копьей, и рад он видеть сражения и любоваться рыцарями. И неотступно днем и ночью он просит меня, чтобы сделаться ему рыцарем.

- Как имя твое? - спросил король юношу.

- Сэр, мое имя - Тор.

Тут король поглядел на него хорошенько и увидел, что лицом он отменно пригож и сложен для своих лет редкого.

- Вот что, - сказал король Артур скотопасу Арию, - пойдешь и приведи ко мне всех своих сыновей, дабы я мог их увидеть.

Так бедный человек и сделал. И все обличем походили весьма на того бедного человека, лишь Тор не походил на него ни лицом, ни статью, ибо был много крупнее, чем любой из них.

- Ну, - сказал король Артур скотопасу, - а где же меч, коим быть ему посвященным в рыцари?

- Вот он, - отвечал тут Тор.

- Извлеки его из ножен, - сказал король, - и проси у меня, чтобы я произвел тебя в рыцари.

Тор соскочил с кобылы, вытащил меч свой из ножен и, став на колени, просил короля, чтобы посвятил он его в рыцарство и принял в рыцари Круглого Стола.

- Рыцарем-то я тебя сделаю. - И король ударил его по загривку мечом. - Будь же добрым рыцарем, о чем молю за тебя Господа, и ежели окажешься ты доблестным и достойным, то будешь ты и рыцарем Круглого Стола.

- А теперь, Мерлин, - спросил Артур, - отвечай нам: будет ли сей юноша Тор хорошим человеком?

- Непременно, сэр, да и как не быть ему хорошим человеком, если он происходит из хорошего рода, если он королевской крови?

- Как так, сэр? - спросил король.

- Я поведаю вам, - отвечал Мерлин. - Этот бедный человек, Арий Скотопас, не отец его, он и не родич ему, ибо отец его - король Пелинор.

- Ну нет, не верю я, - сказал скотопас.

- Приведи-ка ко мне жену твою, - сказал ему Мерлин, - и она не станет отрицать.

Вот привели туда жену его, пригожую и добрую хозяйку. Она отвечала Мерлину с надлежащей женщине скромностью, и поведала она королю и Мерлину, как однажды, еще когда была она девицею, она пошла доить коров, и там повстречался ей рыцарь горячий и почти силой лишил ее девственности.

- Вот тогда-то и зачала я сына моего Тора, а рыцарь увез у меня пса, что был там со мною, и сказал, что будет держать его при себе на память о моей любви.

- О, - воскликнул скотопас, - а я-то не знал об этом, но верю, что было так, ибо в нем ничего нет и не было от меня.

И сказал сэр Тор Мерлину:

- Не позорьте мою мать.

- Сэр, - отвечал Мерлин, - это скорее вам к чести, нежели в унижение, ибо отец ваш - славный рыцарь и король и он может возвысить и вас, и вашу мать, ибо она зачала вас от него еще до того, как стала женой этого человека.

- Истинно это так, - сказала женщина.

- Это мне уже не так обидно, - сказал и скотопас.

А сэр Гавейн и сэр Ивейн наутро прослушали в монастыре обедню и поехали дальше и приехали в другой лес, еще больше первого. Там в долине стояла башня, а подле нее сэр Гавейн увидел двенадцать прекрасных девушек и двух рыцарей в доспехах и верхах, и девушки те ходили вокруг дерева. И увидел он,

что на дереве том висит белый щит, а девушки, проходя мимо, плюют на него, а иные бросают в него грязью.

Сэр Гавейн и сэр Ивейн подъехали к ним, приветствовали их и спросили, отчего такое надругательство учиняют они над щитом.

- Сэр, - отвечали девушки, - мы вам все объясним. Есть такой рыцарь в нашей земле - ему как раз и принадлежит этот белый щит, - он доблестен и искусен в бою, но ненавидит всех дам и девиц. И вот поэтому мы учиняем надругательство над его щитом.

- Вот что я вам скажу, - сказал сэр Гавейн. - Не к лицу славному рыцарю презирать дам и девиц; но, может быть, ненавидя вас, он имеет на то причину, а может быть, он любит и любит где-нибудь в другой стороне, раз уж он такой доблестный рыцарь, как вы говорите. А как его имя?

- Сэр, - отвечали они, - его имя сэр Мархальт, сын Ирландского короля.

- Я хорошо знаю его, - сказал тут сэр Ивейн, - он рыцарь доблестный, не много есть ему равных. Я видел один раз, как он выступал на турнире, где собралось множество рыцарей, но ни один не мог против него выстоять.

- А, - сказал сэр Гавейн, - благородные девицы, видно, вы замыслили дурное, ведь тот, кто повесил этот щит, и сам должен здесь с минуты на минуту появиться, и эти двое рыцарей верхами на него нападут. Но не пристало такое благородным девицам, да и я долее не намерен смотреть, как бесчестят щит рыцаря.

С тем отъехали немного сэр Гавейн и сэр Ивейн. И вдруг, видят: прямо на них скачет сэр Мархальт на могучем коне. А двенадцать девиц, увидев сэра Мархальта, бросились как безумные к башне бегом, иные даже попадали по дороге. Тут один из рыцарей, что были с ними, подтянул свой щит и вскричал громогласно:

- Сэр Мархальт, защищайся!

И сшиблись они, и тот рыцарь сломал о сэра Мархальта копье, а сэр Мархальт ударил с такой силой, что проломил ему шею, а лошади его спину.

Увидел это второй рыцарь башни и изготовился против него, и с такой силой они сшиблись, что рыцарь башни рухнул мертвый на землю вместе с конем.

А сэр Мархальт подъехал к своему щиту, увидел, что он весь осквернен, и проговорил:

- За надругательство это я уже отчасти отомстил. И во имя любви к той, кто мне этот белый щит подарила, я буду теперь носить его, а старый мой щит повешу на место этого.

И повесил белый щит себе на шею. Потом поскакал он дальше и наехал прямо на сэра Гавейна и сэра Ивейна. Спросил он их, что они тут делают. Они ему отвечали, что едут от Артурова королевского двора на поиски приключений.

- Что ж, - сказал сэр Мархальт, - я, если пожелаете, к вашим услугам. Я тоже странствую в поисках приключений, - и за мною дело не станет.

И с тем отъехал от них, чтобы было ему место для разгона.

- Пусть скачет своей дорогой, - сказал сэр Ивейн сэру Гавейну, - ведь он один из доблестнейших рыцарей на свете. Лучше бы нам своею волею не выходить против него один на один.

- Ну нет, - отвечал сэр Гавейн, - этому не бывать! Позор нам будет, если мы с ним не сразимся, каким бы превосходным рыцарем он ни был.

- Что ж, ладно, - сказал сэр Ивейн. - Я выеду против него первый; ибо я слабее вас, и, если он меня повергнет, тогда вы за меня отомстите.

Вот сшиблись два рыцаря с такой страшной силой, и сэр Ивейн так ударил сэра Мархальта в середину щита, что копьё его расколосось от удара на мелкие куски. А сэр Мархальт столь жестокий нанес ему удар, что сшиб на землю и коня и всадника и поразил сэра Ивейна в левый бок. Сэр же Мархальт повернул коня и отъехал туда, откуда начал поединок, и снова изготовился и поднял копьё. Увидел это сэр Гавейн, перетянул наперед свой щит, уперли они оба копьё в седельные упоры и ринулись друг на друга со всей мощью коней своих и ударили друг друга что было силы прямо в середину щита. Тут копьё сэра Гавейна сломалось, а копьё сэра Мархальта выдержало удар, и рухнул сэр Гавейн наземь вместе с конем.

Но вскочил сэр Гавейн проворно на ноги, обнажил меч свой и пеший бросился на сэра Мархальта.

Увидел сэр Мархальт, что он обнажил меч, и стал конем теснить сэра Гавейна.

- Сэр рыцарь, - сказал тут сэр Гавейн, - должно тебе спешиться, иначе я зарублю твоего коня.

- Грамерси, - отвечал сэр Мархальт, - вы очень великодушны. Вы обучаете меня рыцарскому обхождению, ведь в самом деле не подобает, чтобы один рыцарь сражался пеший, другой - верхом.

И с тем сэр Мархальт прислонил копьё свое к дереву, спешился, привязал к дереву коня и загородился щитом, и яростно ринулись они друг на друга. Ударили они мечами так, что от щитов щепы полетели, и рассклели они один на другом шлемы и кольчуги и нанесли один другому глубокие раны.

Но у сэра Гавейна от девяти часов и до полудня сила прибавлялась и возрастала, так что к полуденному часу увеличилась его мощь втрое. А сэр Мархальт все это видел и очень дивился его возросшей мощи. И наносили они один другому жестокие раны. Но когда миновал полдень и день стал клониться к вечеру, сила сэра Гавейна начала убывать, и сделался он совсем слаб, так что едва мог уже ему противостоять, а сэр Мархальт все более укреплялся духом.

- Сэр рыцарь, - сказал тут сэр Мархальт, - я убедился вполне, что вы славный рыцарь и муж великой мощи, я испытал ее на себе, пока она у вас не иссякла. Причины нам враждовать нет, и потому печально было бы, если бы я нанес вам увечья, ибо чувствую, что вы совсем ослабели.

- О благородный рыцарь, - сказал сэр Гавейн, - вы произнесли слова, которые должен был бы сказать я.

И с тем сняли они шлемы, поцеловались и дали клятву любить друг друга по-братски. И сэр Мархальт пригласил сэра Гавейна провести ту ночь у него. Так сели они на коней и поскакали к дому Мархальта.

Едут, и по дороге сэр Гавейн говорит:

- Очень дивлюсь я вам, сэр рыцарь, вы столь доблестный, столь благородный муж, отчего же вам быть ненавистником дам и девиц?

- Сэр, - отвечал сэр Мархальт, - напрасно меня так называют, ведь это прозвание дали мне девушки из башни и прочие им подобные. Я сейчас открою вам, что за причина мне их ненавидеть: среди них есть злые волшебницы и чаровницы, и даже самого храброго рыцаря, могучего телом и доблестного духом, могут обратить они в жалкого труса, чтобы получить над ним власть. В этом причина моей ненависти к ним. А благородным дамам и девицам я всегда готов служить, как это и надлежит рыцарю.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- Ариосто Л.* Неистовый Роланд: В 2 т. М., 1993.
Бернарт де Вентадорн. Песни. М., 1979.
Вольфрам фон Эшенбах. Парцифаль //Средневековый роман и повесть. М, 1974.
Кретьен де Труа. Эрек и Энида. Клижесс. М., 1980.
Кретьен де Труа. Ивен, или Рыцарь со Львом //Средневековый роман и повесть. М, 1974.
Мэлори Т. Смерть Артура. М., 1974.
Песнь о Роланде. Старофранцузский героический эпос. М., 1964.

Литература

- Вейс Г.* История цивилизации. Архитектура, вооружение, одежда и утварь. М., 1999. Т. 2.
Бессмертный Ю.Л. Казус Бертрана де Борна, или «Хотят ли рыцари войны»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С.131-148.
Даркевич В.П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX-XIV вв. М., 1988.
Дюби Ж. Время соборов. Искусство и общество. 980-1420. М., 2002.
Виоле-ле Дюк Э. Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 1997.
Гуревич А.Я. Средневековая литература и ее современное восприятие // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.
Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.

- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Мелетинский Е.М.* Средневековый роман. М, 1983.
- Михайлов А.Д.* Легенда о Тристане и Изольде. М., 1986.
- Новоселов В.Р. Дуэльный кодекс: теория и практика дуэли во Франции XVI века // Одиссей. Человек в истории. 2001. С. 216-234.
- Носов К. С.* Рыцарские турниры. СПб., 2002.
- Оссовская М.* Рыцарь и буржуа. М., 1987.
- Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола. М., 2001.
- Перну Р.* Ричард Львиное Сердце. М., 2000.
- Рух Ж. Ж.* История рыцарства. М., 2001
- Флори Ж.* Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб., 1999.
- Хейзинга Й.* Осень Средневековья. М., 1988.
- Ястребицкая А.Л.* Праздники и торжества в средневековой Европе в свете современных исследований: темы, проблематика, подходы к изучению // Культура и общество в средние века – раннее новое время. Методика и методология современных историко-антропологических и социокультурных исследований. М., 1998. С. 100 – 185.

О Г Л А В Л Е Н И Е

К 125-летию основания Томского государственного университета.....	3
Введение.....	7
«Быть посвященным» – от milites темных веков к рыцарю классического средневековья.....	10
Традиция рыцарских турниров.....	13
Воинские ценности и культурные идеалы.....	17
Идеал рыцарской верности и традиции обета.....	26
Богатство и щедрость в рыцарском сознании.....	29
Рыцарь и женщина. Культ Прекрасной Дамы.....	33
Заключение.....	39
Источники.....	41
Список рекомендуемых источников и литературы.....	74

Учебное
издание

ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Часть II

КУЛЬТУРА РЫЦАРСКОЙ СРЕДЫ

Редактор *В.С. Сумарокова*
Технический редактор *Р.М. Подгорбунская*
Компьютерная верстка *Г.П. Орлова*

Лицензия ИД № 04617 от 24.04.01 г. Подписано в печать 20.02.2003.
Формат 60x 84¹/₁₆. Бумага офсетная №1.
Печать офсетная. Гарнитура «Гаймс».
Печ. л. 4,88; усл.печ. л. 4,53; уч.-изд. 5,2. Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4
Типография «Иван Фёдоров», 634029, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1